

Беспалов С.В. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства / С.В. Беспалов, А.В. Власов, П.В. Голубцов, А.А. Казанцев, А.В. Караваев, В.Н. Меркушев. - М.: Евразийская сеть политических исследований, ИАЦ МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 2007.

**БЕСПАЛОВ С.В., ВЛАСОВ А.В., ГОЛУБЦОВ П.В..
КАЗАНЦЕВ А.А., КАРАВАЕВ А.В., МЕРКУШЕВ В.Н.**

**МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО
ОБРАЗА РОССИИ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА**

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ЧАСТЬ 1.	
СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБРАЗА РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
§ 1. Позитивные стереотипы образа России в постсоветской Евразии	8
§ 2. Основные факторы, формирующие негативные стереотипы восприятия образа России	13
§ 3. Соотношение понятий образ, имидж, бренд и репутация	21
ЧАСТЬ 2.	
«МЯГКАЯ СИЛА» И РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ БОРЬБЫ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ	
§ 1. Концепция «мягкой силы» (soft power) как основа формирования позитивного образа России	30
§ 2. Манипуляционные практики в становлении новых идентичностей в постсоветской Евразии	35
ЧАСТЬ 3.	
ОБРАЗ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ И ВИРТУАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА	

§ 1. Идеологии и виртуализация образа страны	51
§ 2. Глобализация vs индигенизация и имидж России	56

ЧАСТЬ 4.

ОБРАЗ РОССИИ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

§ 1. Геополитическая конкуренция на постсоветском пространстве в начале XXI века	64
§ 2. Формирование образа России в странах постсоветской Евразии: возможности и ограничения	76
§ 3. Образ России: векторы и механизмы гуманитарного продвижения	86
§ 4. Образ России и проблемы экономической интеграции постсоветского пространства	96
ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	107

ВВЕДЕНИЕ

Одной из главных проблем реализации национальных интересов России и осуществления российского влияния на постсоветском пространстве является слабость контролируемых механизмов формирования позитивного образа России. Уменьшение влияния и геополитическое отступление России на постсоветском пространстве во многом обусловлено тем, что Россия за последние 16 лет после распада Советского Союза не смогла сформировать действенные механизмы формирования своего позитивного образа в странах постсоветского пространства, как среди политической и бизнес-элиты, так и среди большинства граждан.

Политика формирования позитивного образа имеет все шансы стать одной из ключевых составляющих внешней политики России на постсоветском пространстве, поскольку способна: создать привлекательный образ России для элиты и граждан многих стран СНГ; стать действенным инструментом обеспечения влияния России в странах СНГ (впервые за последние годы); стать основой консолидации пророссийских сил в странах СНГ.

Целью данной работы является выявление особенностей и механизмов, определяющих формирование позитивного имиджа России на постсоветском пространстве.

Для реализации поставленной цели предполагается решить следующие исследовательские *задачи*:

- выявить теоретико-методологические характеристики процесса формирования имиджа страны на основе анализа мирового опыта;
- проанализировать исторические условия и предпосылки появления компонентов, создающих образ России в постсоветских странах;
- предложить способы оценки эффективности механизмов, а также методы и методики формирования позитивного образа России;
- выработать рекомендации по созданию и развитию действенных механизмов формирования позитивного образа России на постсоветском пространстве для неправительственных организаций, исполнительной и законодательной власти Российской Федерации.

Несмотря на реальную и декларируемую значимость проблемы формирования позитивного образа России, только в последний год в научной литературе начали появляться теоретические исследования этого процесса.

В ходе подготовки монографии авторами были выделены следующие основные концептуальные подходы к проблемам формирования позитивного образа государства.

Историософский подход основан на анализе долговременных структур, действие которых происходит в масштабах столетий, на протяжении жизни многих поколений. Сторонники этого подхода ставят в центр своих исследований изучение культурных механизмов, за счет которых происходит изменение образа России, и сопоставляют динамику этого образа с циклами либеральных и антилиберальных реформ на протяжении XIX – XX веков. По их мнению, по мере прохождения ряда циклов реформ и контрреформ ценностные и институциональные основы западного и российского общества

постепенно сближаются, а это делает возможным и необходимым все более интенсивное общение России с западными странами. Соответственно, постепенно в циклически-колебательном режиме модифицируется и образ России, как внутри страны, так и за ее границами. При этом совершенно не учитываются различного рода краткосрочные конъюнктурные факторы, которые и являются самыми важными для практических политиков. Этот подход не позволяет ответить на вопрос: через какие социально-политические механизмы поддерживается действие этих долговременных структур? В современной России лидерами группы ученых и экспертов, поддерживающих этот подход, являются В. Лапкин и В. Пантин (Институт мировой экономики и международных отношений).

Глобалистский подход учитывает, прежде всего, глобальные факторы в формировании образа и имиджа страны, при этом характеристики образа той или иной страны постоянно сравниваются с некими всеобщими мировыми социально-экономическими и политическим индикаторами, такими как, например, демократия, рынок, права человека. Формирование образа страны, согласно этой концепции, происходит, главным образом, в информационном поле межкультурных глобальных процессов. Образ страны в данном случае выступает как некий межкультурный феномен, как некое промежуточное звено анализа действительности, подчиненное развитию универсальных ценностей и межкультурных идентичностей в той или иной стране или регионе. Этот подход развивается, в основном, в рамках научных групп Московского института (университета) международных отношений и возглавляется директором Центра Глобальных Исследований МГИМО В. Сергеевым.

Имиджмейкерский подход связан с анализом распространения образов через средства массовой коммуникации, здесь главным предметом изучения выступают национальные стереотипы и механизмы, а также уровни их воспроизводства, включая изучение мифологии, манипуляций и

виртуализации политических и социальных процессов. Основопологающим в этой концепции является формирование каналов влияния на массовое сознание или сознание целевых групп, в котором образ страны является плодом внутреннего мифотворчества и воображения. Функционирование этих каналов зависит от работы СМИ, координируемой и направляемой креативными имиджмейкерами. Сторонники рассматриваемого подхода полагают, что столкновение созданных имиджей создает некий баланс влияния и интересов среди разных стран (в силу относительной дешевизны создания имиджа в сравнении, например, с созданием ядерного оружия), поэтому имиджмейкеры должны постоянно трудиться как над формированием имиджа своей страны, так и противодействовать атакам на него извне. Как только работа по формированию имиджа страны приостанавливается, как правило, возникают проблемы восприятия страны за рубежом, поскольку другие страны в это время могут продолжать процесс формирования имиджа, бренда и репутации своего государства, интересы которого зачастую, противоречат интересам государства, в котором власть не уделяет внимание пропаганде своего позитивного имиджа. В этом контексте имиджмейкерский подход в какой-то мере подвержен влиянию теории рационального выбора (в особенности, принципам игры с нулевой суммой, являющейся главной матрицей международных отношений в соответствии с концепцией политического реализма). Наиболее известными представителями этого подхода являются президент компании «Никколо М» А. Минтусов, Эраст Галумов, генеральный директор издательства «Известия», профессор Дипломатической академии и известный политтехнолог, профессор Высшей школы экономики А. Ситников.

Коллектив авторов данной монографии, признавая ценность разработок некоторых аспектов формирования имиджа страны в рамках перечисленных выше концепций, в качестве методологии исследования применял сетевой подход, основанный на теории неинституционализма. Сетевой подход

позволяет выстроить сложную иерархию взаимодействия социальных сетей и факторов разных типов, начиная с самых краткосрочных и политически актуальных, например, с народной дипломатии и личностного формального и неформального взаимодействия представителей разных стран.. Кроме того, сетевой подход позволяет наиболее адекватно изучить и модифицировать конкретные механизмы реализации факторов, формирующих образ страны, и эти механизмы, в отличие от имиджмейкерского подхода, учитываются, уже начиная с уровня повседневного общения конкретного человека.

Сетевой подход, в отличие от историософского, учитывает различного рода краткосрочные конъюнктурные факторы, которые и являются самыми важными для реальной политики. В рамках сетевого подхода на основе неинституциональной теории могут быть эффективно выявлены социально-политические механизмы, поддерживающие действие долговременных структур и институтов, при этом отрицается какой-либо идеологический или институциональный детерминизм.

Сетевой подход уделяет большое внимание анализу социальной и даже политической жизни в структурах массовой повседневности. В рамках этого подхода только на следующем этапе, уже как вспомогательные, разрабатываются и применяются информационные технологии эффективного воздействия на формирование образа страны.

В рамках этого подхода, как и в глобалистской концепции, также используются механизмы применения «мягкой силы» (soft power). Однако сетевой подход, в отличие от глобалистского, учитывает, применяя инструменты воздействия «мягкой силы», структуры социального взаимодействия первичного уровня (регионального, группового, межличностного, гендерного и профессионального).

ЧАСТЬ 1.
СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОБРАЗА РОССИИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

§ 1. Позитивные стереотипы образа России
в постсоветской Евразии

В практике международных отношений и в социально-гуманитарных науках вопросы субъективного восприятия стран долгое время считались второстепенными по сравнению с их «реальным» потенциалом. Однако для постиндустриального мира характерны развитые системы коммуникаций и получения информации. И потребители, и производители в своей деятельности в значительной мере ориентируются на сознательно конструируемые в сознании характеристики объектов. В связи с этим, обратное воздействие субъективного воспроизведения реальности на саму реальность стало объектом пристального внимания в международно-политической практике и обслуживающих ее научных дисциплинах.

Исследования в области прикладной лингвистики и психологии, теории коммуникаций, рекламы и связей с общественностью – достаточно молодые отрасли науки, особенно, для нашей страны, бурное развитие которых пришлось на период после 1991 г. В связи с этим, базовая система категорий, исследующая соотношение различных ключевых моментов отражения общественным сознанием объективных международно-политических процессов (образ, имидж, бренд, репутация, стереотип, фрейм, симуляция и т.д.) по-своему трактуется разными авторами и в различных дисциплинах. *В рамках данного исследования мы попытаемся вычлениить некоторые общие моменты в различных теориях, практически*

значимые для позиционирования России на постсоветском пространстве.¹ При этом система научных категорий вполне может восприниматься как разные моменты образа России на постсоветском пространстве и в мире в целом.

Согласно определению БСЭ «образ – результат и идеальная форма отражения объекта в сознании человека». Образ является результатом воспроизведения предмета на носитель информации. Однако он творчески конструируется сознанием и поэтому самостоятелен по отношению к своему объекту. Образ похож на то, что он отображает с некоторой субъективной точки зрения.

Образ страны – это знаковая модель, опосредующая представления о национальной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения. Далеко не всегда он соответствует реальному положению дел и объективным показателям национального развития. Характер представлений о себе и о своем месте в мире ("внутренний" образ страны) оказывает определенное влияние на восприятие страны за ее пределами ("внешний" образ). В то же время отношение к "иному" и соотнесение себя с другими национально-государственными общностями всегда было и остается одной из основ утверждения собственной национальной идентичности.²

Образ играет активно-действенную роль в поведении человека, регулирует поведение, осуществляет функции управления действиями. Это имеет место и в международных отношениях. Как мы покажем ниже на примере анализа феномена «мягкой силы», *отношение к России как*

¹ Теоретические аспекты соотношения базовых понятий см. с точки зрения семиотики и прикладной лингвистики: Назаров М. Рекламное послание в зеркале семиотики / М. Назаров, С. Горбунова // Реклам. технологии. 2001. № 8. с. 10–13; Ю.К. Пирогова, А.Н. Баранов, Б.П. Паршин и др. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., 2000; Шатин Ю.В. Построение рекламного текста. М., 2002; с точки зрения социологии - Федотова Л.Н. Социология рекламной деятельности. М., 2002; с точки зрения психологии - Гребенкин Ю.Ю. Психотехнологии в рекламе. Новосибирск, 2000.

стране на уровне не только массового сознания зарубежных стран, но и их политических элит, определяется объективной ситуацией в России лишь опосредованно, через образ.

Понятие образа страны тесно связано с понятием **«национальные стереотипы»**. Стереотип - стандартизированный и устойчивый образ, позволяющий получить обобщенное представление о целой категории однородных явлений или объектов.³ Стереотипы очень устойчивы. Они сохраняются на протяжении жизни нескольких поколений.⁴ Стереотипизированные образы русских, американцев, французов, немцев, армян, украинцев, чукчей и т.д. хорошо известны, например, по анекдотам на национальные темы. Последние являются одной из наиболее распространенных форм существования национальных стереотипов в массовом сознании. Позитивные и негативные национальные стереотипы оказывают весьма долговременное воздействие на образ страны.

Понятие образа страны как субъективного измерения информации о ней противопоставляется понятию **сущности** как суммы объективных научных знаний. Образ может достаточно далеко отойти от сущности. В этом случае можно говорить о том, что образ является необъективным и неадекватным. При этом необъективность образа может проявляться как в переоценке объекта, так и в его недооценке. Переоцененный образ ведет к тому, что к объекту относятся значительно лучше, чем он того заслуживает. Это – очень существенный ресурс. Недооцененный образ ведет к обратной ситуации.

В ходе подготовки монографии нами был проведен анализ подготовленных в постсоветских странах отчетов по итогам опросов

² Семененко И. Культура, общество и образ России // Неприкосновенный запас, 2007, №1 (51).

³ Термин «социальный стереотип» впервые был введен в научный оборот американским социологом У. Липпманом. Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

⁴ Общество стремится к сохранению своих стереотипов, так как их крушение означает крушение мировоззрения. (См. Sergeyev V., Biryukov N. Russia's Road to Democracy: Parliament, Communism and Traditional Culture. Brookfield. 1993).

общественного мнения и рейтингов, относящихся к имиджу России, среди рейтингов особое внимание было уделено исследованиям и опросам, проведенным следующими организациями: ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-центр», Отделения института Гэллапа, фонд «Украина-2000», исследовательский центр "Имидж-Контроль", «Украинский центр экономических и политических исследований», Независимый армянский социологический центр «Социометр», также были проведены экспертные интервью и контент-анализ высказываний представителей высшей политической элиты России, стран СНГ, представителей политической и бизнес элиты и экспертов из Европейского Союза и США, занимающихся изучением политических процессов в постсоветских регионах, посвященных способам формирования образа страны за рубежом. Осуществлен контент-анализ высказываний об образе России в постсоветской прессе за 2004 – 2007 г.г.⁵

По отношению к России на постсоветском пространстве проведенный нами анализ показывает наличие целого ряда позитивных стереотипов.

1. *Россия - самая большая в мире по территории и очень богатая природными ресурсами страна.* Контент-анализ постсоветской прессы показывает, что этот стереотип проявляется по отношению к России до сих пор. Однако действие его противоречиво. Он порождает как уважение к нашей стране, желание установить с ней более близкие отношения, так и иждивенческие настроения по отношению к РФ (например, желание ряда стран – Украины, Белоруссии, Армении, Грузии – закупать природные ресурсы по заниженным ценам).

2. *Россия - мощное государство, оказывающее большое влияние на мировые дела.* Этот стереотип восприятия поддерживался советской

⁵ В его ходе было рассмотрено: 1) по два периодически обновляемых средства массовой информации, выходящие на бумажном носителе или в сети Интернет, каждой

пропагандой, он был инкорпорирован в биполярную структуру мирового порядка с 1945 по 1991 г.г. Особенно он характерен для тех постсоветских стран, которые являются членами ЕврАзЭС и ОДКБ. В этом случае он в большей степени поддерживается официально. Следует отметить, что число людей, разделяющих этот стереотип, постепенно снижается с 1991 по 2007 г.г.

3. *Россия - страна высокой культуры, науки, искусства.* На постсоветском пространстве этот стереотип связан с пропагандировавшейся в дореволюционной России и СССР ролью русского народа как носителя модернизаторской культуры. Однако в странах Балтии это представление почти не разделяют. Вместе с тем, особенно большое влияние (и основание для своего возникновения) имела эта идея для Центральной Азии, в государствах которой она сохраняется до сих пор, несмотря на активную пропаганду в пользу противоположной точки зрения.

4. *Россия и русский народ обладают высокой религиозно-культурной толерантностью.* К сожалению, этот стереотип восприятия имеет остаточный характер. Постепенно он исчезает. Причина – активная официальная пропаганда в постсоветских государствах. В ней подчеркивается подавление национальной культуры в «советской империи». Кроме того, элементы ксенофобии, проявляющиеся в России по отношению к иммигрантам с Кавказа и Центральной Азии, также приводят к уничтожению этого стереотипа.

5. *Россия – гарант стабильности и развития на постсоветском пространстве.* Это представление сохраняется на достаточно глубоком уровне общественного сознания, кроме того, официально поддерживается в странах-членах ОДКБ. При этом данный стереотип особенно актуализируется в тех странах, которые подвергаются реальной угрозе

из стран постсоветского пространства; 2) по два канала неформального общения

войны со стороны внешних по отношению к постсоветскому пространству сил (исламские экстремисты в Центральной Азии, Турция для Армении).

6. *Россия - противовес полному господству США и Запада.* Степень восприятия этого стереотипа находится в зависимости от географического положения страны. На Западе постсоветского пространства он рассматривается больше как негативный; на Востоке – как позитивный.

7. *Россия - наследница всего позитивного, что было в прошлой совместной жизни постсоветских народов.* Этот стереотип, в основном, сохраняет свою значимость для людей старшего поколения, а также для людей с левыми (коммунистическими) убеждениями, хотя существует немало сторонников этой идеи и среди других групп населения.

8. *Россия намного ближе (не только территориально, но и по культуре, а также экономическим, политическим и социальным институтам) к постсоветскому пространству, чем другие великие мировые державы.* Этот стереотип достаточно широко распространен по всему постсоветскому пространству.

9. *Россия - естественный центр интеграции постсоветского пространства.* Этот стереотип в наибольшей степени разделяется в странах – членах ЕврАзЭС и ОДКБ, в то же время он опровергается официальной пропагандой в странах ГУАМ и Сообщества демократического выбора.

§ 2. Основные факторы, формирующие негативные стереотипы восприятия образа России

Вместе с тем можно констатировать определенную недооценку образа нашей страны, как в самой России, так и в ближнем и дальнем зарубежье. Это утверждение можно верифицировать лишь косвенно, так

(Интернет-формы или блоги) каждой из стран постсоветского пространства.

как достаточно сложно объективно описать такой феномен как сущность России. Можно лишь реконструировать ряд факторов, которые ведут к возникновению устойчивых негативных стереотипов восприятия России. Анализ причин появления подобных стереотипов необходим для того, чтобы выработать стратегию, позволяющую нейтрализовать (или минимизировать) их воздействие.

Перечислим эти факторы.

1. *Безосновательная негативная самооценка, провоцирующая негативные оценки со стороны иностранцев.*

Для истории России характерна подражательная модернизация.⁶ При этом наша страна, находясь на окраине западного мира и нуждаясь в его технических достижениях для защиты собственных границ, была, фактически, первой незападной по своей культуре страной, вступившей на этот путь. Элементы реформ Петра I (начавшихся, на деле, еще в период царствования Алексея Михайловича и даже раньше, во времена царя Бориса Годунова) были повторены азиатскими народами лишь в середине-второй половине XIX в.⁷ Благодаря этим реформам Россия превратилась в одну из великих европейских держав. Однако российская культура (со встроенными в ней механизмами самооценки) закрепила тенденцию к подражательной модернизации.⁸

В связи с этим существенная часть интеллектуальной элиты России традиционно описывает свою страну, воспринимая Запад в качестве образца того, что должно быть и у нас. Даже некоторые славянофильские идеи были заимствованы из классической немецкой философии. Внутри русской культуры эта тенденция со всей полнотой была обличена в

⁶ Куренной. В. Интеллектуалы // Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006. с. 13.

⁷ См. Васильев Л.С. История Востока. Т. 2. М., 1998.

⁸ Это – одна из причин противоречивости образа Петра I и европеизаторских реформ в российской историографии и культуре в целом. См. анализ этой амбивалентности: Реформатор: русские о Петре I. Опыт аналитической антологии. Под ред. А. Кара-Мурзы и Л. Полякова. М., 1994.

«Вехах» в виде критики «отщепенчества» и «нигилизма» русской интеллигенции. В современном проекте «Мыслящая Россия», посвященном исследованию интеллектуального поля в нашей стране, эта тенденция названа «постоянным соотношением с Западом».⁹

Негативная собственная самооценка, встроенная в традиционную русскую культуру, провоцирует негативные оценки России и со стороны иностранцев, знакомящихся с русской культурой. Кроме того, это делает Россию сильно уязвимой для любой внешней критики, исходящей с Запада. Этим наша страна отличается, скажем, от исламской или китайской культур, имеющих традиционный «иммунитет» по отношению к западным оценкам¹⁰.

Особенно серьезно негативные стереотипы самовосприятия (например, непредприимчивость, отсутствие трудолюбия, алкоголизм, иррациональность поведения, присущие русским) сказываются на представителях бывших советских республик, которые оказались под большим влиянием русской культуры и, соответственно, научились воспринимать россиян их собственными глазами. В частности, сохранение подобных устойчивых стереотипов восприятия показал проведенный нами контент-анализ прессы и неформальных каналов сетевого общения в постсоветских странах (живые журналы, обмен мнений на форумах, письма читателей в СМИ).

⁹ См. Куренной. В. Интеллектуалы // Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006. Следует отметить, что эта критика относится отнюдь не только к либеральным западникам. Проекты альтернативной модернизации, связанные с «обгоном Европы», как правого, так и левого характера, исторически также заимствовались на Западе. Марксизм, как известно, пришел из Германии. Славянофильство как основа идеологии позднейшего русского консервативного национализма в определенной мере также основывалось на идеях немецкой классической философии.

¹⁰ Обе эти культуры, как минимум, вплоть до середины – конца XIX века воспринимали Запад как «варварский». См. Васильев Л.С. История Востока. Т. 2. М., 1998. В то же время, многие образованные русские люди в значительной мере воспринимали в качестве «варваров» себя и свой народ.

В настоящее время, как показало исследование, проведенное в рамках проекта «Мыслящая Россия», происходит процесс превращения традиционной интеллигенции в специализированных интеллектуалов-профессионалов.¹¹ Этот процесс, на наш взгляд, является позитивным, так как он ведет к уменьшению числа негативных стереотипов самовосприятия, и, следовательно, улучшает образ России на постсоветском пространстве и в мире, в целом.

Одновременно с исчезновением социального слоя – носителя негативных стереотипов восприятия России снижается значимость и тех коммуникационных каналов, в которых он господствовал. В последнее десятилетие развиваются новые типы коммуникационных каналов: личные сетевые контакты, Интернет, масс-медиа, достаточно хорошо интегрированные в зарубежный информационный бизнес. В результате, особенно, у молодого поколения, в большей мере встроенного в новые каналы коммуникации, исчезают негативные стереотипы восприятия России.

2. Чужая культура, двойной стандарт и восприятие России иностранцами.

Из теории рефлексивных игр известно, что «двойной стандарт» возникает в ситуации, когда сталкиваются два непохожих друг на друга игрока.¹² «Двойной стандарт» в данном случае можно определить как неготовность к позитивному взаимодействию (и, соответственно, негативное восприятие) того, кто на меня не похож. Поэтому «двойные стандарты» неизбежно возникают в ситуациях, когда сталкиваются носители различных культур.

¹¹ Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006.

¹² См. литературу по «дилемме узника» и ее преодолению (Axelrod R. The Evolution of Cooperation. New York, 1984), а также по рефлексивным играм Schelling T. C. The strategy of conflict. Cambridge, MA, 1960; Sergeyev V. M. The Wild East. N.Y., 1998

Трагичность русской истории заключается в том, что формирование русской нации (в отличие от древнерусского народа) и его государственности (Московское царство) пришлось на конец XIV (победа на Куликовом поле) – XVI (венчание Ивана Грозного на царствование) вв. Именно в это время вследствие османской агрессии были уничтожены культурно родственные государства Балкан (Сербия, Болгария, Греция, Византия). В результате Московское государство стало все больше воспринимать себя как полностью изолированное, находящееся во враждебном окружении. Под влиянием этого фактора конструировались его политические, социальные и культурные институты.

Именно к этому времени относится начало интенсивных контактов с Московией западноевропейцев (тексты С. Герберштейна, Г. Штадена, А. Дженкинсона и т.д.). Последние видели несхожесть России с привычным для них миром и описывали ее негативно, в соответствии с принципом «двойного стандарта». К этому блоку литературы о Московском царстве добавились свидетельства политических диссидентов, негативно относившихся к властям своей страны (материалы А. Курбского, Г. Котошихина и др.). Именно к этим временам относятся вырванные из исторического и культурного контекста негативные стереотипы восприятия России на Западе (агрессивность, деспотизм власти, всеобщее рабство, милитаризация, угнетение, нищета, непросвещенность и т.д.). С точки зрения современной постмодернистской, феминистской или расовой критики, эти взгляды, несомненно, можно охарактеризовать как разновидность «культурного расизма».

Обусловленность специфики такого восприятия России «двойным стандартом» и взаимным непониманием видна на примере сопоставления нашей страны и Ирана. Последний с эпохи Сефевидов (1502 – 1736 г.г.), исходно представлявших собой одну из шиитских сект, был, как шиитское

и персоязычное государство, противопоставлен арабскому и тюркскому, суннитскому исламскому миру. Результатом стало накопление взаимной неприязни, проявляющейся во взаимных негативных оценках до сих пор.

Позднее возникшие негативные стереотипы восприятия России со стороны западных мыслителей перешли в работы просветителей XVIII в. (Вольтера, Монтескье), а оттуда – в западную историографию XIX в. Следует отметить, что достаточно успешное развитие России и включение русской культуры в общемировой контекст привели к существенной корректировке этих стереотипов к концу XIX в. – началу XX в. Затем, в советский период, многие из этих негативных стереотипов вновь возродились уже в виде «советологической» литературы.

Эти «советологические» стереотипы оказались чрезвычайно устойчивыми и в современном массовом восприятии России на Западе. Так, в ходе социологического опроса, проведенного в 2003 г. в США, американских респондентов просили назвать десять понятий, с которыми у них ассоциируется Россия. Первые четыре места в списке заняли «коммунизм, КГБ, снег и мафия». Единственная позитивная ассоциация – «культура и искусство» - оказалась на последнем месте. Другой опрос, проведенный в августе этого года, целью которого было выяснение, насколько хорошо американцы знакомы с Россией, принес еще более плачевные результаты. На ум иностранным респондентам приходили только «автомат Калашникова» и «коктейль Молотова».

Господство стран Запада, прежде всего, США в мировой массовой культуре в условиях глобализации приводит к тому, что негативные стереотипы восприятия России тиражируются и расходятся (через голливудские фильмы с негативными стереотипизированными образами России, через книги, новости и даже компьютерные игры) по всему миру, включая постсоветское пространство. В связи с тем, что информационные каналы получения информации в разных постсоветских странах развиты

по-разному, то и степень воздействия этих негативных стереотипов тем выше, чем выше включенность соответствующей постсоветской страны в контекст глобализации (то есть, влияние снижается по мере движения с Запада на Восток постсоветского пространства). Безусловно, значительная часть таких медийных стереотипов носит не только политически некорректный характер, но и является, по сути, расистскими.

3. *Пропаганда на Западе против России имеет характер краткосрочной конъюнктурной игры*, опирающейся на описанный выше феномен «двойного стандарта», однако, она регулярно воспроизводится с XVIII в., т.е. с периода, когда Россия стала важным игроком в системе европейских держав. Образ «опасного чужака, врага на пороге Европы» часто играл для самих европейских стран консолидирующую роль, позволял обвинять политических противников в сговоре с этим врагом. Исключений, когда Россия описывалась в западной прессе позитивно, достаточно мало – Наполеоновские войны, Первая и Вторая мировые войны, перестройка.

В настоящее время в западной прессе постоянно говорится о противостоянии России с Западом. Все чаще журналистами используется риторика времен "холодной войны". Об этом говорят даже сами заголовки, появившиеся за последний год в американских и европейских таблоидах: «С Путинской Россией иметь дело небезопасно» (The Economist), «Куда ушла Россия?» (The Washington Post), «Боевой клич Путина и угроза столкновения с Россией» (Opinion Journal), «Россия возвращается в брежневские времена» (L'Express) и др.

Негативный образ России позволяет западным политическим элитам решать целый ряд собственных задач. Их перечислил в своей публикации в газете «The Times» Анатолий Калецки. «Появление Владимира Путина как врага номер один на мировой арене удобно для всех, - пишет он, - Джорджу Бушу это помогает прикрыть геополитические провалы в Ираке

и презрение к стремлению европейцев добиться перемен в климатической политике; руководителям Германии и Великобритании Путин помогает скрыть провалы атлантической дипломатии, а новичку Николя Саркози дает возможность проявить свой жесткий характер, не становясь при этом на антиамериканские позиции. Руководство Европейского Союза получает возможность продемонстрировать солидарность с вновь принятыми в ЕС странами Восточной Европы, не идя при этом на отмену принятых по отношению к ним дискриминационных мер».

Эти негативные образы России с Запада переходят и на постсоветское пространство. Постсоветские элиты используют их для того, чтобы интегрироваться с западными элитами, выставляя себя в качестве «форпоста борьбы с Россией». Кроме того, в ряде государств (страны Балтии, Украина, Грузия) обвинения в контактах с Москвой используются прозападными и националистически настроенными элитами с целью испортить имидж своим оппонентам.

4. *Становление новых национализмов на постсоветском пространстве или «новый ирредентизм».*

Постсоветское пространство, согласно Э. Геллнеру, относится к «4 поясу» процесса «ирредентизации», т.е. становления новых наций и национализмов.¹³ Любой возникающий национализм должен быть направлен против какого-то внешнего врага («негативного интегратора»), который используется для объединения, интеграции новой нации. К сожалению, практически для всех стран постсоветского пространства, объектом такой «интеграции против» является Россия как бывший имперский центр. Кроме того, рост подобной риторики провоцируется использованием России в качестве «негативного интегратора» многими странами «3 пояса» Э. Геллнера (страны Восточной Европы и Балтии).

¹³ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

§ 3. Соотношение понятий образ, имидж, бренд и репутация

Обратимся далее к анализу соотношения понятий «образ» и «имидж» по отношению к восприятию России на постсоветском пространстве. *Образ* поддается целенаправленному формирующему воздействию. Эта возможность описывается с помощью категории «имиджа». В дословном переводе с английского слово «image» также означает «образ». Однако в современных социально-гуманитарных дисциплинах этот термин приобрел специфическое значение. В сегодняшнем значении слово «имидж» впервые употребил З.Фрейд. В 1930-х г.г. XX в. он издавал журнал «Имидж». Согласно Фрейду, имидж – это не реальный образ человека или предмета («Эго»), а его идеальный образ («Супер-Эго»). Это несоответствие между реальным и идеальным образом легко может выступать объектом целенаправленного воздействия на сознание. С 1940-х годов этот термин стал использоваться американскими рекламщиками и специалистами по связям с общественностью для того, чтобы подчеркнуть целенаправленность формирования образов.

Использование понятия «образ» подчеркивает спонтанный характер формирования представления об объекте. *Имидж* предполагает коррекцию образа посредством ряда стандартных процедур и, в первую очередь, выборочного, целевого информирования. Имидж формируется на основе уже имеющегося образа, но не тождествен ему.¹⁴ Например, образ России спонтанно формируется у любого иностранца по мере появления в поле его сознания всего, что относится к России. В то же время имидж нашей страны представляет собой уже результат целенаправленных воздействий с разных сторон, работающих с этим образом. При этом следует отметить,

¹⁴ Мироненко В. Образы России в Украине // Отечественные записки. № 2. 2007.

что целенаправленное формирование имиджа должно происходить с учетом менталитета и особенностей культуры реципиента.¹⁵

Все государства современного типа сознательно культивируют элементы своего международного имиджа. Имидж России по-разному формировался, начиная с XVIII в. по настоящее время. Выделим ключевые элементы имиджевой политики Российского государства.

Московское царство практически для всего мира легитимировало себя как «Третий Рим», т.е. *страна, ни на кого не похожая*. Для Российской империи со времен Петра I до Николая II важно было пропагандировать в Европе свое культурное и институциональное сходство с ней (*«мы на вас похожи»*). Хотя, по мере развития консервативно-националистических настроений при дворе в конце XIX в., вновь возникли зачатки элементов пропаганды по противоположности (т.е. *«мы на вас не похожи»*).

В раннесоветский период использовались следующие элементы пропагандистского имиджа – «первое пролетарское государство», «центр притяжения всех левых и освободительных сил мира». В позднесоветский период – «победитель нацистской Германии, освободитель Европы», «супердержава», «миролюбивая страна», «альтернативный центр силы для всех стран, которые считают неприемлемой ориентацию на США и западнокапиталистический путь развития», «общенародное государство без классовых антагонизмов», «государство передовых технологий (прежде всего, военных и космических)», «страна высокой культуры».

В 1990-х г.г. в РФ, в своей пропаганде по отношению к Западу, вновь вернулись к традиционной для дореволюционной России модели *«мы на*

¹⁵ Кимелфельд Я. М. Прагматическая ценность он-лайн транзакционной рекламы: фактор, влияющий на покупательские намерения / Я. М. Кимелфельд, Д. Х. Уотт // Интернет-маркетинг. 2002. № 1. с. 42–57; Кратко И. Г. Формирование кросскультурной компетенции в сфере маркетинговых коммуникаций – залог успеха и предостережение от ошибок при выходе на зарубежные рынки // Маркетинг и маркетинговые исследования 2002. № 6. с. 31–42; Сеница Е. Реклама и менталитет // Петербургский рекламист. 2003. № 3.

вас похожи»: «страна, возвращающаяся на «столбовую дорогу» мирового развития»», «страна, разделяющая базовые западные ценности». С начала нового тысячелетия пропагандистский имидж России вновь стал инкорпорировать в себя элементы «*непохожести на Запад*»: «один из центров силы или «полюсов» многополярного мира», «одна из альтернатив господству США», «последовательный борец с мировым терроризмом», «великая энергетическая держава».

Следует отметить, что имидж России, по крайней мере, со времен Петра Великого, строится, прежде всего, по признаку отношения к Западу. В то же время, имидж России на постсоветском пространстве как сознательный инструмент нашей внешней политики, практически не проработан. Фактически здесь используются различные позитивные стереотипы, например: Россия – естественный центр интеграции постсоветского пространства, гарант стабильности и развития; Россия намного ближе (не только территориально, но и по культуре, а также экономическим, политическим и социальным институтам) к постсоветскому пространству, чем другие великие мировые державы; Россия – наследница всего позитивного, что было в прошлой совместной жизни народов. Однако эти стереотипы слабо поддержаны целенаправленной государственной политикой. Лишь в последние годы начинают предприниматься усилия по формированию позитивного образа России на постсоветском пространстве.

В английском языке слова «бренд» и «торговая марка» почти синонимы. Тем не менее, в современной теории коммуникаций *бренд* - образ, который всплывает в сознании как реакция на товарный знак, совокупность эмоциональных связей между торговой маркой и потребителем. Бренд существует в игровом пространстве, он формируется с помощью рекламы, фирменного стиля и PR. Экспансия представителей

рекламного бизнеса в сферу формирования национальных образов привела к тому, что понятие «бренд» стало переноситься и на страну.

Бренд – намного более устойчивое понятие, чем имидж. Имидж страны - переменный компонент бренда, т. е. изменения в образе, носящие «инновационный» или информирующий характер. Бренд страны формируется десятилетиями, если не столетиями. От национальных стереотипов бренд страны отличается тем, что он тесно связан с устойчивыми формами быта в рамках данной культуры (одежда, кухня, манера поведения). Это очень существенно для туристического бизнеса, который и является основным частным заказчиком в формировании национальных брендов.

Другое отличие бренда страны от национального стереотипа в том, что первый связан с характеристиками основных товаров, которые данная страна поставляет на мировые рынки. При этом характеристика страны происхождения добавляет товару какие-то свойства в воображении потребителя. Например, немецкий товар означает «добротность и высокое качество», французский – «особую роскошь и шик», английский – «респектабельность», японский – «высокотехнологичность» и т.д.

В этом плане характеристика «российский» мало что позитивного прибавляет товару. Для постсоветского пространства «российский», к сожалению, скорее негативная характеристика в силу еще советской традиции считать импортированные из-за границы потребительские товары обладающими большим качеством и престижем, чем отечественные. Этот негативный стереотип, как показал контент-анализ постсоветской прессы, переносится и на российские бренды.

На мировых рынках Россия как бренд ассоциируется, в основном, со следующими товарами: сырье, оружие (особенно, автоматы Калашникова), водка, космические ракеты и спутники, туризм, высокое искусство (классическая музыка и ее исполнители, балет, авангардная живопись,

литература), некоторые фольклорные предметы (матрешки, балалайки, шапки-ушанки). Из всего перечисленного не составляется какого-то устойчивого образа.

Между тем формирование такого образа, в том числе, на постсоветском пространстве, может очень серьезно благоприятствовать росту экспорта, увеличению туризма и повышению общего престижа страны. Повышение значимости России как бренда на постсоветском пространстве может стать важнейшим резервом интеграционных процессов в области экономики в этом регионе.

Возможность рассматривать страну как бренд привела к появлению специфической специальности – «брендинг стран».

Еще один элемент образа страны – *репутация*. Репутация страны – знания о ней, которые носители этого знания считают достоверными. Несмотря на это, репутационное поле населено мифами не меньше, чем все другие, так как люди очень часто формируют свои представления о реальности на основании стереотипов. Репутация - как и национальные стереотипы и бренды - формируется в течение очень продолжительного времени. В последнее время можно говорить о появлении новой специальной дисциплины – «репутационного менеджмента». Последний заключается в постепенном внедрении в нужные сети позитивных образов. Примером может служить т.н. клановый брендинг¹⁶. К сожалению, репутационная стратегия России, как в мире в целом, так и на постсоветском пространстве, в настоящее время практически отсутствует.

Концепция сетевого формирования образа страны, развиваемая коллективом авторов данной монографии, показывает, что репутация страны в большей степени связана с функционированием социальных сетей, в том числе элитных. Репутация страны – это, прежде всего, репутация ее элит. В этом плане репутация России на мировой арене

¹⁶ Котин М. Клановый брендинг. (<http://www.brandmarket.ru/articles/detail.php>)

связана со степенью включенности наших элит в мировые межэлитные сети. Репутация России на постсоветском пространстве в ряде аспектов вторична по отношению к репутации в мире, так как региональные элиты в определении репутационных статусов частично ориентируются на общемировые.

Здесь мы можем отметить парадокс. Наша политическая элита активно участвует в общемировых процессах (прежде всего, на высшем уровне руководства, входящего в такие элитные клубы, как Совет Безопасности ООН и обладающего правом вето и в «Группу восьми индустриально развитых стран»). Наша научная и культурная элита также «вписана» в общемировую, в целом, весьма значительно. В то же время бизнес-элита России в силу недавнего происхождения ее капиталов пока не столь хорошо включена в общемировые элитные сети, что исторически является обычным недостатком класса нуворишей и в других странах, однако в российском варианте этот процесс, в силу скоротечности периода первоначального накопления капиталов, приобрел более острый характер. Мир все еще находится под впечатлением времени «малиновых пиджаков», да и современные русские привычки «чрезмерной щедрости» несколько мешают уже новому бизнес-классу находить общий язык с зарубежными партнерами. Необходимо также признать и то, что российская бизнес-элита остается более независимой от элитных бизнес-сетей Запада, чем элиты других стран СНГ, которые в силу объективных причин остаются более подверженными влиянию «компрадорского класса». В связи с этим, экономические элиты постсоветских стран часто выступают против российских «капитанов экономики» и «компаний-чемпионов» (олицетворяемых такими компаниями как Газпром, Роснефть, Лукойл, РЖД, Северсталь и др.) на стороне своих западных партнеров-спонсоров.

В целом, результаты экспертных интервью с аналитиками, занимающимися данной проблематикой в постсоветских государствах, также как и проведенный нами контент-анализ постсоветской прессы, показали, что репутация России в новых независимых государствах, в целом, соответствует ее общемировой репутации, с указанными выше противоречивыми тенденциями. Однако здесь наблюдаются определенные отклонения, в частности, репутация научной и культурной элиты выше, чем в мире в целом.

Представленный анализ различных элементов образа России на постсоветском пространстве позволяет сделать следующие выводы:

1. Отношение к России как стране на уровне не только массового сознания постсоветских стран, но и их политических элит, определяется объективной ситуацией в России лишь опосредованно, через образ.
2. Стереотипы являются чрезвычайно долговременными элементами образа страны. Россия по отношению к постсоветскому пространству имеет очень серьезный ресурс в виде положительных стереотипов восприятия нашей страны. Эти позитивные стереотипы необходимо подкреплять и развивать государственной политикой в силу того, что многие их элементы имеют «остаточный» характер.
3. В то же время можно констатировать определенную недооценку образа нашей страны в ближнем зарубежье. Причины можно выделить следующие: а) безосновательная негативная самооценка, провоцирующая негативные оценки со стороны иностранцев; б) исторически устойчивое применение к России «двойных стандартов» описания и расистских стереотипов; в) распространенная с XVIII в. по конъюнктурным соображениям западная пропаганда против России, переходящая на постсоветские страны; здесь она используется для интеграции с западными элитами, а также с целями внутренней консолидации вокруг националистических элит; г) становление новых

национализмов на постсоветском пространстве, при этом объектом «интеграции против» является Россия как бывший имперский центр. Все это требует проведения специальной государственной информационной политики, направленной на искоренение негативных стереотипов.

4. Имидж страны представляет собой те компоненты образа, которые поддаются целенаправленному воздействию. Имидж России, по крайней мере, со времен Петра Великого, строится, прежде всего, по признаку отношения к Западу. В то же время, имидж России на постсоветском пространстве как сознательный инструмент нашей внешней политики, практически не проработан. Фактически здесь также используются различные позитивные стереотипы. Следовательно, необходима разработка специальной имиджевой политики на постсоветском пространстве, отличной от имиджевой политики нашей страны в других регионах мира.
5. Россия как бренд в недостаточной степени «раскручена» на постсоветском пространстве. Из товаров, которые ассоциируются с Россией на мировых рынках, не составляется какого-то устойчивого позитивного образа. Повышение привлекательности российских брендов на всех уровнях (от товаров широкого потребления до высокотехнологичной продукции «группы А») является одним из важнейших ресурсов экономической интеграции.

Напротив, для постсоветского пространства «российский», к сожалению, скорее негативная характеристика в силу еще советской традиции считать, что импортированные из-за границ товары обладают большим качеством и престижем, чем отечественные. Этот негативный стереотип переносится и на российские бренды. Это требует проведения сознательного странового брендинга в отношении России.

6. Формирование позитивной репутации является чрезвычайно длительным процессом. Репутация страны связана, прежде всего, с позицией ее элитных социальных сетей. Репутация России на постсоветском пространстве противоречива. Ее повышает высокая оценка научной и культурной элиты и резко понижает низкая оценка бизнес-элиты, а также – противоречивые оценки политической элиты. К сожалению, репутационная стратегия России, как в мире в целом, так и на постсоветском пространстве в частности, в настоящее время практически отсутствует. Для современной России необходима разработка стратегии репутационного менеджмента.

ЧАСТЬ 2.
«МЯГКАЯ СИЛА» И РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ БОРЬБЫ
В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ:
УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

§ 1. Концепция «мягкой силы» (soft power)
как основа формирования позитивного образа России

Практической задачей настоящего исследования является не только разработка инструментария по формированию позитивного образа России, но и создание концептуальных основ для развития механизмов противостояния негативным тенденциям, связанным с ухудшением образа России в связи с действиями различных внешних и внутренних сил. Для создания таких механизмов необходим анализ методологии информационной борьбы на современном этапе социально-исторического развития, связанном с возникновением информационного, постиндустриального общества.

Значимость субъективного фактора в структуре современных международных отношений нашла свое отражение в анализе различных инструментов, при помощи которых государства могут реализовывать свои интересы в мире. Эти инструменты описываются в рамках концепции «мягкой силы» («soft power»). Согласно Дж. Наю, «мягкая сила» государства основана на привлекательности его культуры, ценностей, политических и социальных программ.¹⁷

«Мягкая сила» является противоположностью «жесткой силы». Последняя представляет собой набор инструментов давления (военно-политического, экономического, дипломатического), которые заставляют

другие страны действовать в интересах государства, применяющего «жесткую силу». «Мягкая сила» основана на культивировании чувства симпатии, притягательности идеала и позитивного примера. Значительная «мягкая сила» государства делает применение им «жесткой силы» более приемлемым для объектов его воздействия, снижая, таким образом, издержки.¹⁸

По сути, большая «мягкая сила» является следствием позитивного образа государства, сформировавшегося у других государств, в том числе, благодаря целенаправленному воздействию на них. «Мягкая сила» представляет собой один из важнейших инструментов обеспечения безопасности государства.¹⁹ «Мягкая сила» на практике не является чем-то принципиально новым. Использование пропаганды своих идеалов было традиционным способом реализации государственных интересов на протяжении всего XX века.

Увеличение «мягкой силы» России является важной задачей, позволяющей обеспечить ее безопасность и повысить эффективность внешней политики. По отношению к постсоветскому пространству «мягкая сила» является важнейшим способом обеспечить его интеграцию вокруг Российской Федерации, добиться обеспечения российских национальных интересов.

Формирование позитивного образа России и наращивание ее «мягкой силы» в современных условиях основывается, в том числе, и на информационном противостоянии использованию внешних манипуляционных технологий воздействия на массовое сознание. Американский исследователь Г. Шиллер в своих трудах характеризует

¹⁷ Nye J. The Power of Persuasion: Dual components of US leadership. The conversation with J. Nye. Harvard International Review, Winter, 2003, p. 46.

¹⁸ Nye J. The Power of Persuasion: Dual components of US leadership. The conversation with J. Nye. Harvard International Review, Winter, 2003, p. 48.

¹⁹ Таранцов В. Имидж политического лидера и национальная безопасность страны. М., 2006.

манипуляцию как скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок поведения. Данное определение ссылается на скрытую природу манипуляции, но не указывает цель, ради которой совершается «программирование мыслей, намерений, чувств». Говоря о цели манипуляции, другой американский политолог Э. Шостром делает вывод, что манипуляцией можно назвать управление и контроль, эксплуатацию Другого, использование его в качестве объекта, вещи. А. Соловьев определяет манипулирование как «тип скрытого, неявного информирования и программирования намерений реципиента, построенный на игнорировании его воли и относящийся к нему как к средству, орудию исполнения чуждых ему интересов»²⁰.

Мы предлагаем определить манипуляцию как скрытое воздействие на индивидуальное или массовое сознание через коммуникационные системы (прямое межличностное общение, система образования, СМИ, Интернет), обеспечивающее управление объектами (людьми, их группами, целыми странами).

В целом, технология политической манипуляции содержит в себе следующие моменты:

«а) внедрение в массовое сознание под видом объективной информации неявного, но желательного для определенных групп содержания;

б) воздействие на «болевы́е точки» общественного сознания, возбуждающие страх, тревогу, ненависть и т.д.;

в) реализацию некоторых замыслов и скрывааемых целей, достижение которых коммуникант связывает с поддержкой общественным мнением своей позиции»²¹.

²⁰ Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2001. с. 516.

²¹ Амелин В. Н. Социология политики. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1992. с. 61.

Политическая манипуляция в мировой системе государств является разновидностью влияния одного субъекта международных отношений на другого, важным результатом которого парадоксально является и некоторое согласование их национальных интересов, достижение определенной степени согласия между ними.

Политическая манипуляция как механизм влияния на имидж государства, как правило, является важной частью информационно-психологической борьбы стран за власть на международной арене. По мнению М. Григорьева, понятие «информационно-психологическое воздействие» отражает особенности, связанные с: 1) передачей информации разного типа, включая заведомо ложную или воспринимаемую на бессознательном уровне и 2) использованием психологических особенностей людей и воздействием на них, при котором в результате «процесса, связанного с передачей информации, происходят изменения поведения и психики людей в интересах инициатора воздействия»²².

Государства постсоветского пространства широко практикуют регулярные информационно-манипулятивные воздействия как на собственных граждан, так и жителей других государств. Эти воздействия часто оформляются в системные стратегии. Совокупность применения таких воздействий в значительной степени влияет на формирование *имиджа страны*. Кроме того, страны уже разработали или находятся в стадии разработки определенных стратегий противостояния информационно-манипулятивным воздействиям других государств или международных акторов: транснациональных корпораций, правительственных и неправительственных национальных и международных организаций, международных террористических сетей,

²² Григорьев М. Как рождаются слухи, или тонкости превентивной пропаганды в СМИ // Открытая политика. 1999. №9-10. с. 83. См. также: Григорьев М. Кто

средств массовой информации и субъектов массовой культуры. Такие инструменты называются стратегиями информационной безопасности.

Столкновение разных манипуляционных стратегий, практикуемых различными международными субъектами, приводит к *информационной борьбе* или даже *психологической войне*, как высшей форме ее проявления. Последняя в условиях «медиатизации» современной международной политики, помноженная на «болезнь роста» новых независимых государств, становится обыденным явлением на постсоветском пространстве. «Рассматривая психологическую войну в широком смысле, как целенаправленное и планомерное применение политическими силами пропаганды и других – дипломатических, экономических, политических и т.п. – средств для прямого или косвенного воздействия на поведение противника, современные российские политологи отмечают, что психологическая война стала компонентом системы как внешней, так и внутренней политики»²³. Даже отдельные этапы проведения информационной политики в постсоветских странах стали часто осмысляться как *информационные компании* или даже *информационные войны* (по образцу «военных компаний»). Не иначе как информационными войнами можно назвать освещение событий вокруг «новогодних» газовых конфликтов между Россией и Украиной в 2005 г. и между Россией и Беларусью в 2006 г.

В современном мире идет постоянная борьба за контроль над источниками информации и каналами ее передачи. «Техника информационного доминирования» (Г. Павловский) становится важнейшим способом решения международных проблем, стоящих перед государствами. В настоящее время достижение информационного доминирования часто решает задачи доминирования политического

выигрывает в масс-медиа войнах? // Открытая политика. 1999. №3-4. с.76-85; Григорьев М. Мины на информационном поле // Открытая политика. 1999. №11-12. с. 82-89.

намного более эффективно, чем традиционные военные и экономические меры.

Россия в своей политике на постсоветском пространстве должна учитывать эти современные тенденции. Достижение информационного доминирования в постсоветских регионах должно превратиться в один из важнейших национальных приоритетов.

§ 2. Манипуляционные практики в становлении новых идентичностей в постсоветской Евразии

Повышение роли манипуляции общественным сознанием по сравнению с более традиционными средствами воздействия одного государства на другое нашло отражение и отражено и в *теориях международных отношений*.

В противоположность «неоклассическим теориям» - неореализму и неолиберализму - к концу XX в. при анализе мировой политики все более широко применяются концепции, основанные на теории *рефлексивизма*. Согласно этой теории, субъективные представления международных игроков играют ключевую роль в самой структуре мировой политики. «Рефлексивизм» поэтому и исследует не только базовые характеристики этих представлений, т.е. культуру и идентичности разных международных акторов (прежде всего, государств), но и возможности их целенаправленных изменений.

Концепция конструктивизма как часть рефлексивистского подхода утверждает, что субъективные представления международных игроков являются важным элементом создаваемой ими структуры игры. Эти представления можно изучать при помощи вполне объективных процедур.

²³ Грачев Г.В. Информационные технологии политической борьбы в российских

А. Вендт, являющийся одним из ведущих представителей конструктивистского подхода в международных отношениях, полагает *идентичность* (или «чувство Я»²⁴) основным фактором, определяющим поведение государств на международной арене. Идентичности не существуют вне контекста реальных отношений государств с другими международными игроками. Это – набор значений, которые субъект приписывает себе, рассматривая поступки других акторов.²⁵ Вендт полагает, что взаимодействие стран между собой связано с тем, в какой из основных ролей («врага», «соперника» или «друга») они воспринимают одна другую.²⁶ В частности, западные демократии смогли образовать устойчивые союзы между собой и мощные сообщества безопасности (например, НАТО) благодаря тому, что они субъективно приписывают друг другу роли «друзей»²⁷, и также субъективно создают совместными усилиями образ единого для всех «врага».

В свою очередь, определенные неуспехи России на постсоветском пространстве вполне объяснимы, исходя из того, что постсоветские страны больше не воспринимают ее как «друга», но как соперника, конкурента, бывшую «колониальную метрополию», своими размерами и политикой несущую проблемы не только для развития, но и для территориальной целостности и самого существования новых независимых государств. Примером такой дружбы «против» на постсоветском пространстве может являться блок ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова), три

условиях // Полис. 2000. №3. с.153.

²⁴ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. p. 198.

²⁵ Wendt A. *Collective identity formation and the international state* // *American political science review*. # 88. 1994. p. 386.

²⁶ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. p. 247

²⁷ Рощин Е.Н. Понятие «дружба» как инструмент политического взаимодействия: опыт Великобритании и США. Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2007. Подробнее о западных сообществах безопасности см. Adler E., Barnett M. *Security Communities*. – NY, Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

участника которого (Грузия, Азербайджан, Молдова) имеют внутри себя непризнанные государства-анклавы, де-факто поддерживаемые Россией, а Украина также продолжает испытывать опасность отделения Крыма, вплоть до раскола страны.

Непрекращающаяся уже 16 лет борьба новых независимых государств за создание новых идентичностей также является фактором, напрямую воздействующим на формирование образа России. Феномен идентичности хорошо изучен политическими и культурными антропологами. Идентичность можно понять и как искусственно сконструированный механизм реализации своих интересов. В этом случае, в связи с процессами нового нациостроительства, характерными для всех стран СНГ, феномен идентичности тесно связан с понятием этничности. *Этничность* в данном контексте можно определить как “символическую систему, которая может быть артикулирована членами группы или ее лидерами в качестве одной из многих стратегических альтернатив в преследовании индивидуальных или групповых целей.”²⁸

Становление на обломках СССР новых независимых государств ускорило механизмы формирования новых групповых идентичностей и, соответственно, повлияло на развитие чувства этничности. Эти процессы в постсоветской Евразии неизбежны до тех пор, пока сохраняется суверенитет новых независимых государств. Политика России должна учитывать новые реалии этих процессов, но при этом пытаться нейтрализовать их негативные последствия.

Де Вос выделяет три основные временные ориентации в формировании идентичности: 1) ориентированный на настоящее концепт гражданства в том или ином государстве или членства в той или иной профессиональной группе; 2) ориентированное на будущее трансцендентальное, универсальное, религиозно-политическое чувство; 3)

ориентированный на прошлое концепт личности, определяемой этнической принадлежностью, базирующейся на происхождении от предков.²⁹ Ждислав Марч демонстрирует взаимосвязь проблем идентичности и власти, утверждая, что “процесс создания, воссоздания, поддержания и изменения идентичности включает как структурно-социальные, так и символические компоненты. Для того, чтобы опознавать и понимать природу отношений, противостояния и конфликтов между государствами необходимо принимать в расчет как их структурную взаимосвязь с балансом власти (в качестве фундаментального компонента этих отношений), так и когнитивную модель образа социального мира, разделяемого той или иной социальной или этнической группой или национальной политической элитой. Эта модель создана из символических форм, в которой «символы играют важную роль в процессе создания идентичности – субстанции, из которой группа черпает материал для создания культурных границ, с помощью которых она охраняет себя и на основе которых организует отношения с окружающим миром».³⁰ “Люди думают о мире и действуют в нем в соответствии с этой символической моделью, они не ориентируются на “объективную” природу и “реальные” характеристики вещей”.³¹ Деконструкция символизма суперэтнонациональных и, зачастую, реваншинстско-этнонациональных когнитивных моделей мира, навязываемых политическими элитами новых независимых государств, может являться важным фактором укрепления образа России.

²⁸ Brooks L.S. Shifting Patterns of Ethnic Identification among the Hassidim // *The New Ethnicity: Perspectives from Ethnology*. Ed. By J.W. Bennett. St. Paul, 1975. p. 28.

²⁹ De Vos G. *Ethnic Pluralism: Conflict and Accommodation* // *Ethnic Identity*, Ed. by G. De Vos and L. Romanucci, Mayfield. 1975. p. 9.

³⁰ March Z. *Symbols, Conflicts and Identity*. Albany, 1993. P. X.

³¹ March Z. *Symbols, Conflicts and Identity*. Albany, 1993. p. 6.

Формированию наций и этнических идентичностей в постсоветских регионах показывают значительную роль манипуляции в их возникновении³².

Становление идентичностей и этноидентичностей новых независимых государств на постсоветском пространстве запускает, следовательно, сложные механизмы формирования новых картин мира, серьезно отличающихся от тех, которые существовали в советский и досоветский периоды. Изменяются сами представления новых наций о классах объектов, существующих в международной политике. В частности, путем контент-анализа американской, западноевропейской, центральноевропейской и постсоветской прессы и каналов неформального Интернет-общения, мы зафиксировали серьезное снижение места русского (российского) в этнической и этнополитической иерархии мира. Обычно выявление такой иерархии происходит путем составления списка, в котором нации ранжируются по порядкам от первого до последнего. В постсоветское время наблюдается снижение такого порядкового места в картине мира для России и русских.

Этот процесс имеет, в том числе, манипулятивный аспект. Несмотря на то, что подобные рейтинги, создаваемые некоторыми американскими организациями, были во многом произвольно сконструированы для обоснования идеологической борьбы во времена «холодной войны», часто они используются как элитами постсоветских государств, так и российской контрэлитой, для обоснования тех или иных политических акций, направленных на подрыв имиджа России. Наиболее ярким примером подобных рейтингов является неправительственная организация Фридом Хауз (Freedom House), этот аналитический центр (финансируемый как из

³² Механизмы этих манипуляций были раскрыты еще Бенедиктом Андерсоном в его работе «Воображаемые сообщества», см. Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L., 1983. См также других ключевых авторов: Seton-Watson H. *Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of nationalism*. Boulder (Colo), 1977; Геллнер Э. *Нации и национализм*. М., 1991.

бюджета спецслужб США, так и кругами, близкими к демократам, «классическим» американским либералам-интернационалистам)³³ ежегодно на протяжении последнего десятилетия снижает рейтинг уровня свободы для России; более того, уже второй год подряд Россия признается государством менее свободным, чем Ирак и большинство стран СНГ. В рейтингах свободы Фридом Хауз и других подобных организаций количественные критерии отбора направлены, в основном, на измерение процедурных моментов демократического устройства государства (выборы, механизмы разделения властей, количество НГО) и не выявляют в полной мере ценностные характеристики демократий.

Значительную роль в подрыве образа страны могут играть и т.н. рейтинги экономической свободы. Они зачастую являются производной от оценки множества произвольно выбранных показателей³⁴ и объективно противоречат реальным экономическим успехам той или иной страны. Так, в рейтинге экономической свободы консервативного аналитического центра Херитэдж Фоундашн (Heritage Foundation) (составляется аналитическим центром Heritage Foundation и газетой The Wall Street Journal) по итогам 2006 г. Россия поднялась всего лишь со 122 на 120 позицию³⁵. Этот показатель немного улучшает предыдущие, хотя по

³³ Странники данного подхода рассматривали проблемы прав человека как главные во внутренней и внешней политике государств. В конце 1970-х гг. XX в. сторонники этой школы (среди них Сайрус Вэнс и основатели «Фридом Хауз») стали советниками и членами администрации президента США Джимми Картера, и попытались воплотить свои идеи в реальной политике. Принципы их многолетней работы по борьбе за права человека в странах бывшего советского блока, к сожалению, во многом, были перенесены на новое историческое пространство постсоветской Евразии.

³⁴ Авторы данных ежегодных исследований анализируют экономические показатели и характеристики ведения бизнеса в 161 стране мира. Индекс свобод оценивает страну по 50 независимым параметрам, разбитым на 10 категорий экономической свободы: торговую политику, налоговую нагрузку, степень вмешательства государства в экономику, монетарную политику, инвестиционный климат, состояние банковского и финансового рынков, зарплаты и цены, защиту собственности, законодательство и степень организованности рынка.

³⁵ Все страны в рейтинге разделены на пять категорий - "свободные", "в основном свободные", "со средним уровнем свободы", "в основном несвободные" и

уровню аккумуляции прямых и портфельных иностранных инвестиций за 2006 г. Россия прочно занимает первое место в Восточной Европе и входит в первую мировую десятку. Очевидно, что именно этот показатель является одним из важнейших для оценки уровня экономической свободы, но он не учитывается аналитиками Херитэдж, поскольку финансирование зависит от кругов (в том числе, представляющих центрально-европейское лобби³⁶), не заинтересованных в «излишней» популяризации российских экономических успехов. Такие рейтинги оказывают влияние на образ страны в медийном пространстве, однако, они не способны отразить уникальные макроэкономические условия развития каждой страны. Зачастую рейтинги упрощают и сводят реальные характеристики к некому медийному продукту, существующему в обособленной среде.

Вместе с рейтингами важную роль в манипуляции и стереотипизации имиджа страны играют и опросы общественного мнения. Довольно часто неправильно сформулированный вопрос приводит к шокирующим результатам. Так, по данным исследования «Левада-центра» от 15.02. 2007 г., 71% россиян не считают себя европейцами. Эти странские данные были почти сразу же растиражированы антироссийскими СМИ в Польше, странах Балтии, Украине и Грузии. В последовавших комментариях нации этих стран были противопоставлены географическим соседям, но неевропейцам-россиянам, как народы европейские, требующие

"подавленные". К примеру, в последнюю категорию попали Беларусь и Туркменистан, а Россия и Украина считаются "в основном несвободными". Уровень экономических свобод в РФ специалисты центра оценили в 61,4% из 100 возможных. Этот результат позволил России опередить только 4 страны бывшего СССР - Украину (125-е место), Узбекистан (132-е место), Белоруссию (145-е) и Туркменистан (152-е). Обошли Россию 8 стран бывшего СССР. Так, например, 12-е место занимает Эстония, на 22-м - Литва, на 32-м - Армения, на 35-м - Грузия, на 41-м - Латвия, на 75-м - Казахстан, на 79-м - Киргизия, на 81-м - Молдова, на 98-м - Таджикистан, на 107-м - Азербайджан.

³⁶ То есть представителей сообществ США - выходцев из Центральной и Восточной Европы, так в США численность американских поляков составляет 8 млн. человек; американцев по происхождению чехов, венгров, украинцев и литовцев в США примерно по 0,5-1 млн. человек, значительные сообщества представлены также американскими латышами и эстонцами.

особого внимания и защиты со стороны Европейского Союза от энергетического и другого шантажа со стороны России, как страны, представляющей чуждую цивилизацию. Так не вполне корректная социология инициировала новый виток борьбы идентичностей.

К сожалению, даже экономическая статистика, данные которой основаны на т.н. паритете покупательной способности, тоже может быть манипулятивной и выполнять политический заказ, опять же связанный с определением идентичности нации. Одним из наиболее влиятельных источников статистической информации для экономистов и политологов Восточной Европы и бывшего СССР является Мировая книга фактов (World Fact Book), ежегодно издаваемая ЦРУ. В целом, статистика представленная в этой книге достаточно полная и адекватная, однако, когда возникает необходимость, то и здесь возможны манипуляции. Так, например, Грузия после выборов Михаила Саакашвили показывает ежегодный экономический рост в 12-14%. Естественно, для всех, кто знаком с другой статистикой, да и с реальным положением дел в этих странах, эти цифры кажутся завышенными. Наиболее же странными выглядят данные стран, вступающих в ЕС, как только страна присоединяется к ЕС, статистики ЦРУ, как правило, приписывают этой стране бонус в 20-30% роста ВВП за один год (в реальности, ни одна страна-новый участник ЕС такого роста не имеет³⁷), впоследствии, в зависимости от обстоятельств и политической благонадежности, эти данные снижаются или опять повышаются.

Зачем это делается? Главным здесь является, безусловно, информационный пример для стран западных и кавказских регионов СНГ, которые должны четко уяснить прямую зависимость прозападной

³⁷ Так, данные ЦРУ по ВВП Польши за 2004 г выше данных ЦРУ за 2003 г. почти на 30%, хотя в этой же статистике показан рост ВВП всего в 5,5 %, даже учитывая падение доллара за год к злотому на 9 %; видно, что было приписано больше 15% и экономика Польши на бумаге выглядела уже не так печально в сравнении с богатыми соседями по ЕС.

политики и экономического роста. Впечатляющие же успехи России и Казахстана (как незападных и не вполне демократичных стран) на фоне такой «статистики» выглядят уже не так привлекательно для партнеров по СНГ. Механизмы подобных манипуляций были вскрыты случайно, в опубликованных в 2006 г. высказываниях действующего Премьер-министра Венгрии Дюрчеля, который в нелюбезной форме раскрыл механизмы статистической манипуляции с экономическим ростом в Венгрии (по данным того же ЦРУ, он составлял 5-6% на протяжении почти десятилетия). Дюрчель напрямую заявил, что венгерское правительство использовало ложную статистику и, что уже в течение нескольких лет экономического роста в стране практически нет. В ответ статистики из ЦРУ опять нарисовали пятипроцентный экономический рост для Венгрии и по итогам 2006 г.

Безусловно, статистика, рейтинги государств и опросы общественного мнения играют очень важную роль в анализе политических и социальных явлений, без них адекватное изучение таких объектов как государство, страна, нация, практически невозможно. Однако ненаучное и тем более манипулятивное их использование может, безусловно, подорвать имидж страны. Подобные «мягкие» инструменты манипуляции лишь подпитывают националистические настроения в России и укореняют мнения о том, что Запад и «прозападные» постсоветские страны желают «слабой» России. Борьба за «слабую» Россию, безусловно, ведется очень влиятельными представителями части американских и в меньшей степени европейских политических и экономических элит, но эти группы в странах, ключевых для позиции России в постсоветском пространстве (прежде всего, имеются в виду т.н. старая Европа в ЕС, а в СНГ Украина и Казахстан) не являются в настоящее время главенствующими, скорее можно говорить о некотором временном усилении антироссийских элитных групп. Хотя антироссийские элитные группы, безусловно,

занимают сейчас руководящие позиции в Литве, Эстонии, Грузии и Польше. Именно в этих странах политическая наука часто заменяется простым толкованием геополитики, когда ведущие эксперты вторят политикам о том, что чем сильнее Россия, тем хуже нашим государствам. Разработаны целые геополитические теории «слабой России» как «основы» для безопасности Европы и постсоветской Евразии³⁸.

Информационная борьба за лучший статус связана со становлением новых государств и с объективным интересом их элит избавиться от контроля России и обрести как можно большую самостоятельность. Таким образом, эти страны повышают свою роль в мировой политике. С этой целью элиты новых независимых государств через подконтрольные им СМИ, системы образования и культуры (кинематограф, литература, искусство, включая монументальное), новые праздники стремятся возвеличить новую идентичность независимой нации. При этом данное возвеличивание чаще всего идет за счет снижения образа России. Новые искусственно создаваемые стереотипы строятся за счет старых, еще советского и досоветского времени. Эти стереотипы повышали роль России в истории соответствующих народов. Теперь по ним всеми средствами наносятся серьезные удары.

Например, в Туркмении в качестве национального праздника был введен «День скорби». Этот праздник построен вокруг воспоминаний о завоевании Туркмении Россией, в частности, взятия крепости Геок-Тепе армией генерала Скобелева. В Геок-Тепе сооружены соответствующие монументы. В Казахстане был снят очень помпезный фильм «Кочевник», в котором утверждается, что казахи отразили нашествие джунгар, угрожавшее самому их существованию, собственными силами. При этом совершенно не упоминается о русской помощи, сыгравшей очень существенную роль в противостоянии внешней агрессии. В Украине

³⁸ См. например многочисленные работы Гедиминаса Виткуса и Раймундаса

«голодомор» официально приравнен к «геноциду украинского народа», что достаточно серьезно противопоставляет его русским как доминировавшей в СССР нации.

Итак, идентичность и образ государства определяют как его поведение, так и отношение к нему других международных игроков. Идентичность может являться основой для манипуляций в сфере международных отношений. России необходимо выработать механизмы противодействия неблагоприятным для нее тенденциям в развитии идентичности постсоветских государств. По этой проблематике существует большое количество исследований, созданных культурными антропологами в рамках изучения формирования этнической идентичности или этничности.

Исходно существовали две основные теории, описывающие процесс смены идентичности и факторы манипуляции этой идентичностью. Первый подход, *ситуационный*, следовал в русле идей Ф. Барта.³⁹ Он сосредотачивает внимание на внешних факторах, сопровождающих процесс выбора и манипуляции идентичностями. Последние включают в себя собственный и групповой интересы, различные политические стратегии. Таким образом, идентичность, в рамках ситуационного подхода, полностью оказывается продуктом манипуляции, причем манипуляции краткосрочной.

Однако как тогда быть с такими длительно существующими идентификационными общностями, как «русские», «украинцы» или «узбеки»? Очевидно, что нельзя считать их существование продуктом краткосрочных политических манипуляций властей. Эти манипуляции (например, достаточно искусственное построение границ в Центральной Азии в период национально-территориального размежевания в

Лопаты.

³⁹ Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries*. Bergen – Oslo, London. 1969. p. 9 – 38.

1920-1930-е гг.) лишь переоформляли или переинтерпретировали уже существовавшие общности. Аналогичные процессы имеют место и сейчас в новых независимых государствах. Манипулятивные практики элит этих стран, направленные на становление новых идентичностей (а также различные внешние влияния, с Запада, Востока, со стороны России), лишь меняют границы самосознания тех общностей, которые уже существовали раньше.

Примордиалистский («первичностный») подход отстаивают Эдвард Шилз и Клиффорд Гиртц.⁴⁰ Согласно их точке зрения, такие долгосрочно существующие характеристики культур, как мифы происхождения, ритуалы, религии отделяют одни группы от других. Согласно примордиалистам, формирование идентичностей является очень длительным процессом, связанным с историческим наследием. В этом плане он трудно поддается воздействию.

Однако специалисты по историографии показывают, что прошлое очень легко поддается политической манипуляции.⁴¹ Люди могут считать, что они действуют в соответствии с исторической традицией, но на самом деле традиционность их действий является лишь иллюзией, которую власти создали путем сознательной переинтерпретации истории. В качестве примера можно привести то, насколько часто история переписывалась в СССР.

Новые независимые государства также создали свои обновленные, возвеличивающие их и их элиты историографии. Обычно внимание историков теперь концентрируется на периоды существования соответствующих независимых государств (или тех предшественников, к которым они себя возводят в прошлом). Возникает мифология нового

⁴⁰ Shils E. Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties // British Journal of Sociology. # 7. 1957. p. 113 – 145; Geertz C. The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States.

⁴¹ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992.

«золотого века». Он может относиться к межвоенному периоду (страны Балтии), краткосрочному периоду независимости во время гражданской войны (Украина, Грузия). Наконец, «золотой век» может быть погружен в глубины истории: Киевская Русь для Украины, евразийская империя монголов для Казахстана, империя Тамерлана для узбеков, государство Саманидов для Таджикистана и т.д. Иногда возникает вообще псевдорелигиозная историческая мифология – «Рухнама» в Туркменистане.

Для преодоления недостатков обоих вышеописанных теоретических подходов была сформулирована синтетическая *примордиалистско-ситуационная теория формирования идентичности* Ч. Кейеса. Для него долгосрочные культурные факторы остаются “главной определяющей характеристикой” формирования идентичности.⁴² Тем не менее, для того, чтобы провести полный анализ хода формирования идентичности, необходимо учитывать обе группы факторов: первичные (примордиалистские) культурные характеристики и ситуационные или структурные факторы.

Исследуя процесс формирования этноидентичности, а также его социальной репрезентации и социальной значимости, Кейес отмечает, что в социальном взаимодействии “этноидентичность заметна в той степени, в какой она помогает людям ориентироваться по отношению к другим людям, которые воспринимаются как носители других этнических идентичностей”.⁴³ Таким образом, смена идентичности, согласно Кейесу, является диалектическим процессом, в котором “предсуществующие (preexisting) паттерны (образцы) социального действия часто оказываются

⁴² Keyes Ch. The Dialectics of Ethnic Change // Ethnic Change / Ed. by Ch. Keyes. Seattle. 1981. p. 3 – 30.

⁴³ Keyes Ch. The Dialectics of Ethnic Change // Ethnic Change / Ed. by Ch. Keyes. Seattle. 1981. p. 10.

более нежизнеспособными, и новые образцы поведения развиваются на основе новоприобретенных социальных характеристик”.⁴⁴

Эта теория показывает, что идентичность может меняться путем сознательного воздействия сразу в двух направлениях. *С одной стороны, можно «переписывать» культурно-историческую традицию, меняя «долгосрочные» факторы, определяющие представления людей о мире. Это – манипуляция ситуационными факторами через примордиальные. Примером может служить бесконечное конъюнктурное «переписывание» истории в СССР и постсоветских государствах. С другой стороны, можно менять представления людей об оптимальных повседневных практиках, не затрагивая представления о прошлом. Это – манипуляция примордиальными факторами через ситуационные. Здесь историческим образцом служит Великобритания с ее стремлением сохранять старые формы, вливая в них новое содержание.*

Сравнительно недавним образцом последнего подхода может служить и идеологическое обоснование реформ в Китае. На него частично ориентируются в своих идеологических практиках некоторые центральноазиатские страны (Узбекистан, Туркменистан). В то же время следует отметить, что постсоветские государства обычно манипулируют ситуационными факторами через примордиальные. Это стремление постсоветских государств менять из-за конъюнктурных соображений всю свою историю является достаточно опасным для стабильности их собственных идентичностей. Постоянно переписываемая история перестает вообще кого-то интересовать. С точки зрения интересов России, этот недостаток в идентификационных политиках новых независимых государств положителен. Ведь они сами нейтрализуют свои возможности манипуляции идентичностью. Следовательно, открываются возможности для информационного воздействия со стороны России, направленного на

⁴⁴ Keyes Ch. The Dialectics of Ethnic Change // Ethnic Change / Ed. by Ch. Keyes.

поддержание позитивных старых стереотипов, созданных еще в советское и досоветское время.

Проведенный выше анализ выявил следующие моменты, которые необходимо учитывать во внешнеполитической деятельности нашей страны.

1. Необходима выработка новой структуры представлений о важных факторах международных отношений на всех уровнях политической системы, учитывающая роль «мягкой силы» как ключевого ресурса, определяющего роль государства на международной арене. Увеличение «мягкой силы» России является важной задачей ее внешней политики. По отношению к постсоветскому пространству «мягкая сила» является важнейшим способом обеспечить его интеграцию вокруг РФ, добиться обеспечения российских национальных интересов. Важной составной частью политики увеличения «мягкой силы» может стать стремление к достижению информационного доминирования на пространстве бывшего СССР.

2. Становление на обломках СССР новых независимых государств ускорило механизмы формирования новых групповых идентичностей и развитие чувства этничности. Эти процессы имеют уже достаточно неизбежный, объективный характер. В результате постсоветские страны часто перестают воспринимать Россию как «друга». Она начинает выступать в роли соперника, конкурента, бывшей «колониальной метрополии» и т.д. Политика России должна учитывать рост новых постсоветских идентичностей как неизбежные реалии, но, при этом, пытаться нейтрализовать их негативные последствия.

3. Становление идентичностей новых независимых государств на постсоветском пространстве запускает сложные механизмы формирования новых картин мира, серьезно отличающихся от тех, которые существовали

в советский и досоветский периоды. В частности, снижается статус и место всего русского (российского) в этнической и этнополитической иерархии мира. Следовательно, имеет место и снижение влияния России.

4. Этот процесс имеет серьезный манипуляционный аспект. Он связан с объективным интересом элит новых государств повысить свою роль в мировой политике, избавившись от контроля со стороны Москвы. С этой целью элиты новых независимых государств через подконтрольные им СМИ, системы образования и культуры (кинематограф, литература, искусство, включая монументальное), новые праздники стремятся возвеличить новую идентичность независимой нации. Данное возвеличивание чаще всего идет за счет снижения образа России.

5. Манипуляционные практики элит новых независимых государств, направленные на становление новых идентичностей, лишь меняют границы идентификации тех общностей, которые уже существовали раньше. Они не создают их из ничего. Негативной для самих постсоветских государств является их тенденция «переписывать» культурно-историческую традицию, меняя «долгосрочные» факторы, определяющие представления людей о мире. С точки зрения интересов России, этот недостаток в идентификационных политиках новых независимых государств положителен. Ведь они сами нейтрализуют свои возможности манипуляции идентичностью. Следовательно, открываются возможности для информационного воздействия со стороны России, направленного на поддержание позитивных старых стереотипов, созданных еще в советское и досоветское время.

ЧАСТЬ 3.

ОБРАЗ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ И ВИРТУАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

§ 1. Идеологии и виртуализация образа страны

На современном этапе социально-исторического развития новые особенности информационной борьбы, направленной на формирование позитивного образа страны, связаны, во многом, с возникновением информационного постиндустриального общества.

Современные постиндустриальные массовые общества характеризуются очень высокой степенью атомизации индивидов, их освобождения от традиций. В то же время, собираясь в массы, атомизированные индивиды зачастую начинают вести себя иррационально и легко подвергаются манипуляциям со стороны лидеров или политических элит.

Исследования «психологии толпы» уже к началу XX в показали, что недооценка иррациональности масс неизбежно ведет к проигрышу, а использование этой особенности современных обществ является важнейшим политическим и внешнеполитическим ресурсом, значение которого в постиндустриальном обществе только усиливается с увеличением и интенсификацией каналов передачи информации. Этнореваншистские настроения масс в некоторых постсоветских странах стали благодатной почвой и ресурсом для дезавуирования политики России и подрыва ее имиджа.

Феномен идеологии как способа манипулирования человеческим мышлением впервые был популяризован еще в период позднего

Просвещения, в конце XVIII в. Новый шаг в изучении идеологии как ложного сознания был сделан «левыми гегельянцами»: К. Марксом⁴⁵, О. Бауэром и Л. Фейербахом. Они исследовали идеологию как связную систему ложных представлений, в которой, однако, отражались те или иные объективные интересы.

Результат борьбы за власть между различными группами интересов и даже между странами в значительной мере предопределялся исходом битвы между исповедуемыми ими идеологиями.

Приобретая власть, сторонники той или иной идеологии активно использовали государственную машину для подавления альтернативных идеологий, а также с целью изоляции населения от той информации, которая позволила бы усомниться в правильности господствующей системы представлений. Методы эффективной идеологической пропаганды и манипуляции совершенствовались на протяжении всего XX в. Однако к его концу человечество вступило в новую эпоху, связанную с появлением *постиндустриального, информационного общества*⁴⁶. Принципиальной особенностью нового общества становится появление возможности Выбора, еще большее усиление индивидуализации по сравнению с индустриальными социумами.⁴⁷ В итоге выбор «или-или» в основных областях жизни, в семье и на работе, сменился взрывом множества индивидуальных способов организации жизни и ее стилей.

Однако точно так же, как усиление индивидуализма в начале XIX в. привело к появлению «общества толп», новые технологии обеспечили возникновение «виртуальных толп». Последние характеризуются еще

⁴⁵ См., например, об идеологии в марксизме - Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. с. 6-7.

⁴⁶ См.: Нейсбит Д. Мегатренды. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003; Белл Д. Социальные рамки информационного общества. Сокращ. перев. Ю.В.Никуличева // Новая технократическая волна на Западе. Под ред. П.С.Гуревича. М., 1988.

⁴⁷ Нейсбит Д. Мегатренды. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. с. 69.

большой, чем классические толпы, степенью неустойчивости и иррациональности поведения. Возможности манипуляции этими новыми толпами через системы электронной коммуникации (радио, телевидение, Интернет) несравненно выросли. Эти возможности все активнее используются в мировой политике. Примером могут служить феномены «цветных» революций, в том числе, на постсоветском пространстве, решающую роль в организации которых сыграли новые сетевые технологии.

Классические манипулятивные стратегии индустриальной эпохи предполагали ограничение получаемой населением информации с целью недопущения приобретения знаний, противоречащих господствующей доктрине. Напротив, современные технологии предполагают «затапливание» потоком информации.⁴⁸ При этом человек, уставший от бесконечных и ненужных ему знаний, сам охотно обращается к простым схемам восприятия мира, которые диктуют ему манипуляторы. Как считает Д. Нейсбит, «мы тонем в информации, но испытываем голод по знанию. Неконтролируемая и неорганизованная информация в информационном обществе уже не является ресурсом – она становится врагом информационного работника. Информационные технологи вносят порядок в хаос информационного загрязнения и тем придают ценность данным, в противном случае бесполезным. Суть информационного общества состоит не просто в получении информации, но и в ее отборе»⁴⁹.

Непосредственная толпа эпохи индустриального общества становится виртуальной или коммуникативной толпой общества постиндустриального. Даже в индустриальном обществе с его развитыми системами получения информации люди, в целом, знали о внешней политике своего государства и международной жизни достаточно мало.

⁴⁸ Baudrillard J. The Illusion of the End. Stanford, Stanford University Press, 1994.

⁴⁹ Нейсбит Д. Мегатренды. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. с. 42.

Ограничение потока этой информации само по себе было формой эффективного контроля со стороны властей. В информационном обществе о внешнеполитической или международной жизни люди могут получать огромные потоки информации – через СМИ или Интернет, и ограничить эти потоки практически невозможно

Однако вся эта информация является опосредованной СМИ и системами коммуникаций. Следовательно, она может полностью симулироваться.⁵⁰ В результате меняется природа власти. Она стала иллюзорной и, одновременно, благодаря высокотехнологичным приемам, намного более эффективной в реализации своих целей.

С. Московичи выделяет в развитии массовых коммуникаций современности три тенденции: 1) *искусственное создание общественного мнения*, которое становится результатом деятельности своеобразной индустрии, «коллективной работы лиц, преследующих собственные цели»⁵¹; 2) *ослабление контактов* между индивидами и, как следствие, переход из собранного состояния в распыленное; 3) *поляризация коммуникаций*, которые действуют в одном направлении и становятся все менее и менее взаимными, что практически исключает участие общества в политическом процессе⁵².

Политический контроль в современности приобрел специфические формы. Теперь он осуществляется преимущественно *через коммуникативные потоки*. Это - тип коммуникационного воздействия на общество при помощи технических средств. Коммуникативные потоки сосуществуют в *коммуникативном пространстве*. Последнее является сферой, охватывающей всю систему средств массовой коммуникации и техники их применения; не только инструментом, которым общество

⁵⁰ Baudrillard J. The Illusion of the End. Stanford, Stanford University Press, 1994.

⁵¹ Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра // Полис. 1992. №3. с.178.

⁵² Московичи С. Век толп. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. с.236.

пользуется, но и полем, задающим определенные правила игры, т.н. «коммуникационной зоной», устанавливающей рамки коммуникации.

Господство политических технологий в виртуальной реальности является следствием новой социальной структуры информационного общества. Наличие разветвленных информационных сетей не подразумевает прямого контакта, как между самими индивидами, так и между массами и лидером. Это создает предпосылки для объединения властвующих и подвластных в поле виртуальной реальности и для возможности создания имиджей, далеко отходящих от истинной сущности политических субъектов и объектов. Это открывает широкие возможности для манипуляций в целях создания виртуализированного имиджа⁵³.

Виртуализация политического пространства в виде использования политических технологий и политического имиджмейкерства ельцинской эпохи 1990-х г.г. являлась ярким примером эффективного использования этих возможностей и каналов информационного общества. В этом контексте попытки улучшения образа России, как проекты создания «виртуальной России», не могут по своей сути решить проблему формирования позитивного образа нашей страны, как не смогли «народные избранники» 1990-х г.г. решить насущные, реальные, а не виртуальные проблемы России.

Формирование позитивного образа России связано и со «встраиванием» этого нового образа в массовое сознание населения постсоветской Евразии. К сожалению, остается риск того, что этот процесс будет опять основан на известных принципах имиджмейкерства избирательных компаний 1990-х г.г., когда не столь важна была содержательная сторона программы кандидата (а также его реальный интеллектуальный уровень и его личностные характеристики), гораздо актуальнее была грамотно построенная «раскрутка» образа в расчете на целевую аудиторию избирателей. Достижение искомого результата

⁵³ Егорова Е. Имидж лидера. М.: Центр политического консультирования «Никколо М», 1995. с. 56.

осуществляется по этой схеме не за счет «внутренней перестройки», а через грамотное информационное сопровождение «виртуального объекта».

§ 2. Глобализация vs индигенизация и имидж России

В современном обществе борьба между классическими идеологиями индустриальной эпохи перестала быть важнейшей характеристикой конфликтов. Потенциал этой борьбы иссяк после банкротства в середине XX в. радикально-консервативных и в конце XX в. – классических левых идеологий. Однако победа либерализма не привела к «концу истории».⁵⁴ Возникли принципиально новые узловые пункты информационной борьбы.

К началу постиндустриальной эпохи главенствующее место в глобальном противостоянии заняла идеология, проповедующая возможности международного вмешательства во внутренние дела государств. Очевидно, что многочисленные попытки реализовать этот принцип не лишены внутренних противоречий. Возможность международного вмешательства, даже под знаком гуманитарной интервенции, в реальности, зачастую, реализуется лишь через практику «двойных стандартов», а, например, во многих случаях постсоветских конфликтов это вмешательство происходит и в соответствии с политикой США как мирового лидера.

Триумф этой идеологии стал важным аспектом процесса глобализации, развернувшегося в конце XX в. Она, в целом, существенно отличается от классической либеральной и ее можно назвать глобалистской или мондьялистской. США, как победившая в «холодной

⁵⁴ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., ООО «Издательство АСТ», 2004.

войне» сверхдержава, превратились в носителя этой системы идей. Она стала преобладать и в международных организациях.

Однако распространение этой идеологии столкнулось с альтернативными процессами традиционализации⁵⁵, индигенизации и альтерглобализации. Чем больше растет экономическая взаимозависимость, «тем сильнее будем мы подчеркивать свои различия, в особенности языковые. Глобализация экономики будет сопровождаться ренессансом в языковом и культурном самоутверждении»⁵⁶. Вызовы информационного общества получили в начале XXI в. жесткий ответ со стороны той части человечества, которая не готова принять условия глобализации. Протесты против глобализации варьируются от относительно безобидных форм, связанных с разгромом «Макдональдсов» антиглобалистами, до массовых террористических актов исламских террористов. Россия, как и Китай, и многие другие страны, поддерживая идею «многополярного мира», также объективно выступает против существующей формы политической глобализации.

В контексте формирования нового образа России, в целом, должна повышаться ценность ее национальной культуры, что соответствует достаточно активно распространяемой международной практике поощрения разнообразия культурно-цивилизационных форм. Борьба этой тенденции с однонаправленной глобализацией в начале XXI в. все больше становится основной оболочкой, в которой выступают международные идеологические конфликты.

Борьба между глобализацией и ее альтернативами в различных формах разворачивается и на постсоветском пространстве. При этом идеология глобализма выступает, прежде всего, в форме ориентации постсоветских элит на евроатлантическое пространство. В этом плане она

⁵⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

противоречит интересам России. В то же время и индигенизация в чистом виде не отвечает нашим национальным интересам. Ведь она приводит, например, к росту исламского экстремизма как наиболее воинственной альтернативы глобализму. Следовательно, необходим поиск эффективного имиджа России на постсоветском пространстве, который, с одной стороны, предлагал бы альтернативу глобализации с евроатлантическим вектором, с другой стороны, альтернативу антимодернистской индигенизации.

Исходно существовало две основные модели характеристики процесса глобализации в его взаимосвязи со становлением информационного общества.

1. *Модель «глобальной деревни».* Предполагалось, что процессы глобализации и становления информационного общества охватят все человечество, и все люди выиграют от них. Глобализация приведет к равномерно распределенной по планете сети экономических и политических взаимосвязей, обеспечивающих всем участникам мирового экономического процесса равные возможности и устойчивое развитие.

2. *Модель «золотого миллиарда».* От процессов глобализации выиграет только небольшая часть человечества, живущая в развитых странах. Господство этих стран над остальной частью человечества только усилится. Вырастут нищета, неравенство и глобальные диспропорции в распределении всех видов ресурсов.

Реальные исследования процессов глобализации привели к выдвиганию третьей модели – *«воротной глобализации»*. Она основана на активно развивающейся в последние два десятилетия теории социальных сетей. Глобализация рассматривается в ней как многоуровневая система, верхний уровень которой составляет сеть так называемых “ворот в глобальный мир” – компактных территорий мегаполисов, соединяющих в себе функции транспортных и финансовых центров, а также центров

⁵⁶ Нейсбит Д. Мегатренды. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак»,

образования, науки, коммуникационных узлов и фокусов политического влияния.⁵⁷

Эти “ворота в глобальный мир” обеспечивают доступ к глобальной системе коммуникаций (“хоре”) обширным территориям, входящим в сферу их экономического и политического притяжения. Следует отметить, что далеко не у каждой страны есть такие “ворота”, следовательно, ”хора” может охватывать территорию не одного, а нескольких государств, которые оказываются в орбите влияния коммуникационного центра, находящегося вне их территории. Именно так и возникает феномен информационного влияния в современном мире.

Наряду с этими “адекватно глобализованными” территориями существуют и территории “дальней периферии”, не получающие от глобальной экономики никаких преимуществ, но несущие, наряду со всеми остальными, бремя ее поддержания (что дает определенные основания для теории “золотого миллиарда”). Эти территории также опосредованно контролируются «воротами» как глобальными экономическими и коммуникационными центрами.

Наличие у государства собственных “ворот в глобальный мир” позволяет национальным политическим, экономическим, научно-образовательным и культурным элитам войти в узкий клуб лиц,

2003. с. 114.

⁵⁷ Ключевая работа переведена на русский язык - Андерссон О., Андерссон Д. (ред.) Ворота в глобальную экономику. М. 2001. См. также: Ansell C. The Networked Polity: Regional Development in Western Europe. – Governance, vol. 13, № 2., 2000; Baerenholdt J.O., Aarsaether N. Coping Strategies, Social Capital and Space. – European Urban and Regional Studies, vol. 9, № 2., 2002; Dittrich E.J., Schmidt G., Whitley R. (eds.) Industrial Transformation in Europe – Process and Contexts. L., 1995.; Casey T. Social Capital and Regional Economies in Britain. – Political Studies, vol. 52, № 1., 2004; Casson M. Analyzing Regional Business Networks: An Economic Perspective. University of Reading, Department of Economics Working Paper., 2002; Cooke P., Morgan K. The Associational Economy: Firms, Regions and Innovation. Oxford., 1999; Leonardi R. Regional Development in Italy: Social Capital and the Mezzogiorno. – Oxford Review of Economic Policy, vol. 11, № 2, 1995; Morgan K. The Learning Region: Institutions, Innovation and Regional Renewal. – Regional Studies, vol. 31, № 5, 1997.; Sassen S.. The Global City: New

участвующих в принятии ключевых решений на глобальном уровне в каждой из этих сфер. «Хора», контролируемая соответствующими «воротами», представляет собой современный вариант традиционной «зоны влияния».

Достаточно уникальное исследование, проведенное группой российских исследователей под эгидой «Национального института – Высшей школы управления», показало, что Москва как мегаполис уже сейчас в состоянии выполнять многие из функций «глобальных ворот».⁵⁸ В частности, она эффективно контролирует все коммуникации Центральной России, не давая ей подпасть под влияние других, расположенных в Европе «ворот». Благодаря этому Россия вполне может рассматриваться как реально суверенное государство.

Более того, Россия может вполне позиционировать себя в качестве самостоятельного центра глобализации вокруг Москвы как «глобальных ворот». Это и будет отвечающей нашим национальным интересам моделью глобализации постсоветского пространства, отличающейся как от «прозападного» мондиализма, так и «провосточной» антимодернистской индигинезации.

На повестке дня стоит целенаправленное превращение Москвы в «глобальные ворота», эффективно контролирующие коммуникации на всей территории России и стран СНГ, а также, возможно, некоторые прилегающие территории в Восточной Европе и Азии. Без этого Россия как национальное государство не сможет даже сохранить суверенный

York, London, Tokyo. Princeton. 1991; Trigilia C. Social Capital and Local Development. – European Journal of Social Theory, № 4, 2001.

⁵⁸ Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей // Полис. № 2. 2007; Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология “глобальных ворот” // Полис. № 2. 2007; Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А. Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей // Полис. № 2. 2007; Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А., Дождиков А.В., Евстифеев Р.В., Усманов С.М., Чернышов С.В., Федорова И.М.,

контроль над системами коммуникаций на своих окраинах, и ее суверенитет превратится в формальность. Без превращения Москвы в коммуникационный центр для стран СНГ (а здесь существует огромный экономический, социальный, политический и культурный «задел», заложенный в досоветское и советское время) невозможно сохранение и увеличение информационного влияния России на постсоветское пространство.

Представленный обзор особенностей информационной борьбы на современном этапе социально-исторического развития позволил выявить следующие моменты, которые необходимо учитывать при проведении эффективной информационной кампании на постсоветском пространстве, направленной на улучшение имиджа России.

1. России в своей внешнеполитической практике следует учитывать новые возможности, предоставляемые системами электронной коммуникации и сетевыми технологиями. Значимость этих факторов демонстрируют, в частности, феномены «цветных» революций, в том числе, на постсоветском пространстве, решающую роль в организации которых сыграли новые сетевые технологии.

2. Контроль российского государства над каналами коммуникаций, включая международные, должен соответствовать стандартам постиндустриального общества. Нашей стране необходимо обзавестись авторитетными в мире и постсоветском регионе источниками информации: СМИ (аналогичными «CNN», «BBC» или «Аль-Джазире»), авторитетными экспертными и массовыми Интернет-изданиями. Необходимо предоставление всем желающим максимально широкой информации о всех аспектах внешней политики России в таком количестве, чтобы в нем «можно было утонуть». Лишь в этих условиях возможно скрытое использование манипулятивных инструментов.

3. В условиях глобализации и становления информационного общества не следует опираться на отжившие идеологии (лево-коммунистическая, консервативная, классическая либеральная), связанные с индустриальными обществами. Человечество, в целом, уже потеряло к ним интерес. В пропагандистской деятельности необходимо использовать новые типы конфликтов, возникшие в информационном обществе, прежде всего, между глобализацией и традиционализацией. В противостоянии с США и другими носителями глобалистской идеологии эффективным будет подчеркивание внутренних противоречий в содержании этой идеологии и методах ее реализации.

4. В ситуации противостояния процессов глобализации и индигенизации роль эффективного механизма формирования имиджа России на постсоветском пространстве может сыграть позиционирование себя как самостоятельного центра глобализации вокруг Москвы – новых «глобальных ворот». Это, с одной стороны, было бы альтернативой глобализации постсоветского пространства с евроатлантическим вектором, с другой стороны, альтернативой его антимодернистской индигенизации.

5. Необходима разработка и реализация комплекса мер, направленных на усиление роли Москвы как «глобальных ворот», повышение ее роли в качестве узла всех видов коммуникаций (экономических, политических, культурных, образовательных) как для регионов России, так и для стран постсоветского пространства. Без этого информационная политика государства по формированию позитивного образа будет крайне неэффективной, так как в рамках этой политики будет невозможно получить постоянный доступ к необходимым коммуникационным каналам. Усиление роли Москвы важно и потому, что страны бывшего СССР с восстановлением относительной

экономической независимости будут все более интенсивно пытаться установить каналы доступа к «глобальным воротам», расположенным уже в «дальнем зарубежье».

ЧАСТЬ 4.
ОБРАЗ РОССИИ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

§ 1. Геополитическая конкуренция
на постсоветском пространстве в начале XXI века

На протяжении последних лет происходит неуклонное нарастание геополитической конкуренции за влияние на государства постсоветского пространства между США, Европейским Союзом и Россией, экономическое и военное возрождение которой дает основания для вывода о том, что такое противостояние лишь будет усиливаться в ближайшем будущем. На постсоветском пространстве разыгрываются несколько жестко конкурирующих друг с другом политических проектов развития, которые можно свести к двум основным: с одной стороны, это стремление под лозунгами демократизации форсировать трансформацию политических режимов в данных государствах с целью превращения их в сферу определяющего геополитического влияния Евро-Атлантического блока; с другой – попытка обеспечить консервацию существующих политических режимов (или, по крайней мере, их эволюционное реформирование) как важнейшую предпосылку сохранения стабильности и неконфронтационного характера отношений России с данными государствами.

Может сложиться впечатление, что это геополитическое соперничество России и Запада во многом напоминает (правда, в относительно локальном масштабе, с учетом изменившегося соотношения сил) их противоборство в «третьем мире» в период «холодной» войны: в отличие от Европы, которая была разделена державами-победительницами

на четкие сферы влияния, развивающиеся страны, в большинстве своем превратились в пространство «свободной конкуренции», где борьба великих держав за доминирование велась с использованием любых методов – это касалось поддержки как «дружественных» режимов (дружба чаще покупалась, чем была следствием идейной близости), так и разного рода антиправительственных движений⁵⁹.

Однако в настоящее время на официальном уровне представители как российских властей, так и американских и европейских правительственных кругов, обычно предпочитают воздерживаться от чересчур агрессивных заявлений в адрес друг друга, однако жесткая риторика в отечественной и западной прессе все чаще также оставляет впечатление, что началась некая особая «холодная война». В любом случае обе стороны рассматривают свое взаимодействие на постсоветском пространстве как «игру с нулевой суммой»⁶⁰.

⁵⁹ Это впечатление еще более усиливается благодаря тому, что, при очевидном в последние годы нарастании противоречий между США и ведущими державами Европейского Союза по ряду ключевых проблем современной мировой политики, по отношению к постсоветскому пространству эти страны обычно выступают «единым фронтом», или, точнее, европейские страны предпочитают следовать в фарватере американской политики. Следует, впрочем, отметить, что в целом ряде случаев обеспечение столь согласованных действий Запада является «заслугой» самой России, которая своими непродуманными и, мягко говоря, бестактными действиями по отношению к новым независимым государствам способствует консолидации усилий западных держав. Так, вплоть до завершающего этапа президентской кампании 2004 г. на Украине ЕС, благодаря усилиям Франции и Германии, не заинтересованных в усилении позиций Польши в Евросоюзе, занимал достаточно сдержанную позицию в отношении основных кандидатов на пост Президента Украины, хотя симпатии европейских СМИ и, соответственно, общественного мнения большинства стран Европы были однозначно на стороне В. Ющенко. Однако действия российских и поддержанных ими украинских властей не оставили ведущим европейским державам иного выбора, кроме безоговорочной поддержки украинской оппозиции вместе с США и Польшей, которой удалось существенно укрепить свои позиции в регионе. Кроме того, нельзя не признать, что сама направленность эволюции российского политического режима может рассматриваться многими западными лидерами как дополнительный побудительный мотив для ослабления влияния России на постсоветском пространстве.

⁶⁰ См. об этом также: Миллер А. Многое испорчено, но не все потеряно // Pro et contra. 2005. № 1.

Исход этого соперничества, а, следовательно, и перспективы политической, военной и экономической интеграции на постсоветском пространстве (при очевидно решающей роли России в осуществлении этих интеграционных процессов), как и характер двусторонних отношений РФ с государствами ближнего зарубежья, будут определяться не только традиционными геополитическими факторами, не только способностью России и в дальнейшем поддерживать относительно дружественные для себя режимы в ряде стран СНГ, не только результатом усилий РФ, направленных на урегулирование ряда региональных конфликтов, но и – не в последнюю очередь – отношением к России и ее политике граждан и элит стран СНГ. В свою очередь, проведение политики, направленной на формирование позитивного образа нашей страны у граждан стран ближнего зарубежья, должно стать одной из важнейших составляющих внешнеполитического курса РФ по отношению к этим странам. Ведь, несмотря на то, что геополитическая конкуренция не имеет, в отличие от периода «холодной» войны, характера идеологического противостояния двух систем, внешнеполитическая пропаганда и публичная дипломатия играют и теперь далеко не последнюю роль⁶¹.

Переход США при поддержке их европейских союзников к политике «форсированной демократизации» постсоветского пространства явился в последние годы одной из важнейших причин (разумеется, наряду с причинами сугубо внутреннего свойства) серии т.н. «цветных» революций в Грузии, на Украине и в Киргизии. Не претендуя на всесторонний анализ этого феномена, попытаемся выделить некоторые важнейшие характеристики этих «революций», в полной мере присущие событиям в Грузии и на Украине (а еще ранее – в Сербии) и в некоторой степени – в Киргизии, где, впрочем, роль внешнего фактора была несопоставимо меньшей, чем в первых двух странах.

⁶¹ См.: Слуцкий Л. Слово и отражение: почему за рубежом деформирован образ

1. Наличие четкого плана действий (изначально предусматривающего возможность выхода за пределы конституционных рамок) оппозиционных сил, приуроченных к моменту проведения парламентских или президентских выборов, итоги которых оппозиция заранее отказывалась признавать, заявляя о неизбежных масштабных фальсификациях результатов голосования. Заметим, что выборы, служившие началом развития событий по «революционному» сценарию, действительно проходили с серьезными нарушениями, не отличаясь, однако, в худшую сторону от избирательных кампаний прошлых лет, которые оппозиционные политики не считали возможным использовать как основание для столь решительных действий, осознавая, что без масштабной поддержки из-за рубежа подобные акции не только будут обречены на провал, но и дискредитируют их организаторов как политических деятелей, вышедших за рамки закона.

2. В качестве основного источника легитимации новой – «революционной» – власти (и, соответственно, делегитимации власти прежней) выступает «международное признание», т.е. признание со стороны ведущих западных держав.

3. Организационная, финансовая и идеологическая подготовка «революции» в значительной степени осуществляется из-за рубежа, с использованием механизмов информационной борьбы и манипуляций уже упоминавшейся в этой работе «soft power» – «мягкой силы», выраженной в работе неправительственных организаций, фондов и т.п. Безусловно, нельзя преувеличивать значение манипулятивных технологий, примененных в ходе «цветных» революций, отбрасывая экономические и, что более важно, геополитические факторы.

3. В качестве лидеров оппозиции неизменно выступали представители политической элиты – отставные или действующие политики первого

ранга; в значительной степени именно благодаря этому обстоятельству удавалось обеспечить раскол среди руководителей силовых структур, на который обращает внимание в своей статье М.Макфол⁶², вплоть до открытого перехода некоторых из них на сторону оппозиции.

4. «Революционные» лидеры пользовались поддержкой значительной части национального бизнеса, недовольной характером проводимой прежней властью экономической политики и, прежде всего, результатами приватизации наиболее привлекательных объектов национальной экономики. Поэтому вполне правомерной представляется, например, меткая характеристика украинских событий как «революции миллионеров против миллиардеров». В то же время ключевыми спонсорами оппозиции внутри страны выступали предприниматели, стремившиеся не столько принципиально изменить характер взаимодействия власти и бизнеса, сколько занять место «у кормушки». В этой связи можно говорить о лидерах оппозиции еще и как о представителях обделенных прежней властью финансово-бюрократических кланов.

5. «Идеология» революционной оппозиции носит ярко выраженный популистский характер, являясь к тому же (за исключением Киргизии) националистически окрашенной.

6. Иностранные наблюдатели, прежде всего представители ОБСЕ, мнение которых о недемократическом характере выборов изначально известно, используются для делегитимации результатов выборов. Такая ситуация становится возможной, прежде всего, вследствие существующей в ОБСЕ практики финансирования деятельности наблюдателей этой организации и определения персонального состава миссий наблюдателей на выборах не самой ОБСЕ, а государствами-участниками, готовыми взять на себя соответствующее финансовое бремя. Кроме того, в рамках той же

⁶² Макфол М. Пути трансформации посткоммунизма. Сравнительный анализ демократического прорыва в Сербии, Грузии и Украине // Pro et contra. 2005. № 2. с. 101-102.

ОБСЕ до настоящего времени не выработано четких критериев, на основании которых можно было бы выносить беспристрастные суждения относительно легитимности и демократического характера тех или иных выборов; соответствующие предложения России, высказывавшиеся на форумах ОБСЕ, до последнего времени игнорировались.

7. Западные лидеры предупреждают власти о недопустимости применения силы против оппозиции, в то же время не осуждая действия самой оппозиции, носящие силовой, хотя и невооруженный характер (блокирование правительственных объектов, воспрепятствование законной деятельности органов и представителей государственной власти и т.д.).

Очевидно, что многие из этих факторов оказались задействованы не просто в силу большей «цивилизационной привлекательности» (по выражению А.Миллера) Евро-Атлантического сообщества в сравнении с Россией в глазах значительной части элиты и наиболее активной части населения стран ближнего зарубежья, но и в результате продуманной и последовательной имиджевой политики со стороны западных государственных и негосударственных структур.

Говоря же о результатах «цветных» революций, необходимо отметить, прежде всего, что ни одна из них не привела к сколько-нибудь существенной реальной демократизации государственной власти, принципиальному изменению характера политического режима (на Украине, правда, была реализована достаточно радикальная конституционная реформа, предусматривающая передачу парламенту и правительству с 2006 г. значительной части прежних президентских полномочий; однако, как известно, инициатором этих преобразований являлся бывший Президент Кучма, новая же власть стремилась не допустить вступления в силу соответствующих конституционных поправок, для подтверждения необходимости введения их в действие с 1 января 2006 г. потребовалось специальное решение Конституционного

Суда Украины). Таким образом, сама квалификация рассматриваемых событий как революционных представляется нам в высшей степени сомнительной.

Едва ли не единственными серьезными результатами «революций» стали, во-первых, изменение внешнеполитического курса соответствующих государств, новые лидеры которых провозглашают стремление своих стран в кратчайшие сроки влиться в ряды мирового «сообщества демократических государств» (первым шагом к чему становится дистанцирование от России), и, во-вторых, изменение в соотношении сил между административно-финансовыми группировками внутри этих государств, что выражается в перераспределении финансовых потоков, пересмотре результатов ранее осуществленной приватизации и т.д. Поэтому можно говорить о том, что как внешние, так и внутренние спонсоры грузинской и украинской «революций» реализовали свои основные цели.

Наконец, не может быть и речи о каком-либо упрочении региональной безопасности вследствие подобного рода форсированной «фасадной демократизации» стран постсоветского пространства; напротив, налицо серьезное обострение внутренних конфликтов. Наиболее явно это проявилось в Грузии, в которой напряженность вокруг самопровозглашенных государственных образований – Абхазии и Южной Осетии – продолжает накаляться; взрывоопасной является и обстановка на Украине, поскольку недовольство большинства населения восточных регионов страны итогами «революции» и политикой «революционной» власти, столь отчетливо проявившееся в конце 2004 г., может вспыхнуть после выборов 2007 г. с новой силой.

Характеризуя политику России на постсоветском пространстве, необходимо отметить преобладание в ней «охранительных» тенденций – стремление в большинстве случаев обеспечить консервацию

существующих в странах СНГ политических режимов. При этом такого рода политика проводилась и проводится отнюдь не только в отношении тех стран, которые зарекомендовали себя в качестве более или менее надежных союзников России на протяжении предшествующих полутора десятилетий, но и по отношению к режимам, которые все это время проводили политику лавирования, стремясь (с разной степенью успешности) извлечь максимум выгод для себя из геополитической конкуренции крупных держав.

Несмотря на то, что подобного рода политика России объясняется в значительной степени ментальной близостью представителей политических элит этих стран – выходцев из позднесоветской партийно-государственно-хозяйственной номенклатуры, этот курс в большинстве случаев является в целом обоснованным и с точки зрения национальных интересов России. Нежелание инициировать какие-либо существенные изменения в странах СНГ обусловлено, во многом тем, что, как показывает практика, события в этом случае достаточно быстро могут выйти из-под контроля властей; характер целого ряда режимов в новых независимых государствах таков, что никакое воздействие извне не способно подвинуть их даже к самой осторожной политике демократизации, поскольку она неизбежно приведет к серьезной дестабилизации и – в недалеком будущем – падению существующей власти; появление же очередного очага конфликта в непосредственной близости от границ России явно не будет содействовать укреплению ее безопасности.

Кроме того, опасения российского руководства по поводу того, что единственной реальной альтернативой нынешним лидерам новых независимых государств являются представители национального либо религиозного радикализма, во многих случаях оправданы, хотя и не всегда, например, пришедшая к власти в Киргизии оппозиция оказалась

(неожиданно для российских политиков и дипломатов!) ничуть не менее пророссийской, чем прежний режим Президента А.Акаева.

В любом случае, такой курс российского руководства оказывается более обоснованным, чем предпринимавшиеся в начале и середине 1990-х гг. попытки стать «лидером демократических процессов» на постсоветском пространстве; к тому же возврат к этой политической линии сейчас принципиально невозможен, хотя бы с учетом характера политического процесса в самой России в начале нынешнего века.

Однако события последних лет показывают, что такая охранительная политика сама по себе не может быть действительно эффективной на протяжении длительного времени. Поэтому, для того чтобы окончательно не потерять политическую инициативу на постсоветском пространстве, России необходимо:

- более эффективно применять принципы сетевого сотрудничества и «мягкой силы» в работе с оппозицией в странах ближнего зарубежья (иногда в порыве национальной гордости наши внешнеполитические ведомства игнорируют оппозиционеров, даже тех, кто пытается установить контакты с Москвой); при этом подобное сотрудничество не должно зависеть от того, насколько дружественные отношения существуют в данное время у РФ с тем или иным государством (хотя, разумеется, характером межгосударственных отношений должны определяться методы и масштабы этой работы); значимость этой задачи со временем неизбежно будет лишь возрастать, учитывая естественный процесс смены поколений как правящих элит постсоветских государств, так и – в значительной степени – оппозиционных сил;

- использовать имеющиеся рычаги влияния на лидеров государств ближнего зарубежья если не для побуждения их к демократизации политических режимов, что, как уже было отмечено, на современном этапе в большинстве случаев крайне затруднительно или даже нереально, то

хотя бы для удержания постсоветских режимом от наиболее вопиющих нарушений основных международных стандартов в области прав человека. Эта политика будет также способствовать предотвращению новых кризисных ситуаций во взаимоотношениях России и со странами Европейского Союза и США. Очевидно и то, что субъекты Российской внешней политики, включая неправительственные организации, в целом, имеют больше опыта и ресурсов в решении проблем, возникающих в результате гуманитарных кризисов, чем их коллеги в других странах СНГ.

- в большей степени использовать возможности российского бизнеса для продвижения интересов РФ на постсоветском пространстве (и, в любом случае, не допускать проведения российскими корпорациями собственной «внешней политики», идущей вразрез с государственными интересами);

- кроме того, в самой России необходимо создать эффективный механизм межведомственной координации в процессе выработки и проведения политики по отношению к странам ближнего зарубежья. Не секрет, что в настоящее время степень координации действий Министерства иностранных дел, Совета Безопасности, Администрации Президента, экономических ведомств и т.д. является совершенно неудовлетворительной; особо следует отметить, что наблюдающееся в последнее время усиление влияния президентской администрации в этой сфере и фактическая утрата МИДом его естественной роли координатора внешней политики явно не идут на пользу делу. Впрочем, подмена Администрацией Президента правительственных структур фактически со времени принятия действующей Конституции, особенно же явно – в последние годы – происходит отнюдь не только в сфере внешнеполитической деятельности. Преодоление этого параллелизма является насущнейшей задачей и необходимой предпосылкой повышения качества государственного управления в целом, хотя на данном этапе

активность администрации Президента РФ в выработке внешней политики на постсоветском пространстве является, безусловно, позитивным моментом, поскольку, в целом, работа МИДа в СНГ до сих пор остается в рамках ретроактивности внешней политики 1990-х годов, во многом обусловленной проблемой рекрутирования дипломатических кадров⁶³;

- несмотря на отсутствие в обозримом будущем перспектив кардинального изменения характера межгосударственных отношений и прекращения геополитического соперничества России и США (вместе с частью стран так называемой «новой», то есть проамериканской Европы⁶⁴), сам накал этой конфронтации может и должен быть несколько снижен. Необходимы примеры конструктивного сотрудничества по урегулированию (или смягчению, а лучше всего – предотвращению) кризисных ситуаций на постсоветском пространстве; при этом инициатором должна выступить именно Россия как сторона, более заинтересованная в смягчении этой конфронтации (хотя бы потому, что ее продолжение, а тем более эскалация требует от России затрачивать значительно большие ресурсы), а также стремящаяся предотвратить свое окончательное превращение в глазах западного общественного мнения в главный оплот авторитаризма в Европе. В том, что такое сотрудничество возможно, убеждает опыт первой половины 1990-х годов – достаточно вспомнить увенчавшиеся успехом совместные действия России и США по обеспечению безъядерного статуса всех новых независимых государств, за исключением РФ, а также весьма эффективное взаимодействие в ходе

⁶³ Низкие зарплаты дипломатов-россиян 1990-х уже ушли в прошлое, но отсутствие реальных открытых конкурсов и «узурпация» МГИМО подготовки кадров для МИДа позволяет констатировать тот факт, что присущая СССР кастовость дипслужбы остается проблемой и для современной России.

⁶⁴ Раздел стран Европы на новую и старую, был предложен в начале войны в Ираке Дэвидом Рамсфельдом, Госсекретарем США по обороне, новая Европа по Рамсфельду - это страны-члены ЕС из Восточной Европы и Балтии, поддержавшие США в войне в Ираке, эта коннотация уже начинает применяться западными экспертами и ко всем странам Сообщества Демократического Выбора (включая Украину и Грузию, также стремящихся в НАТО и ЕС).

обеспечения антитеррористических действий США и их союзников в Афганистане, - значимость этого сотрудничества не умаляет даже некоторая напряженность, возникшая вокруг новых американских военных баз в Центрально-Азиатском регионе;

- расширять арсенал гуманитарных средств воздействия на процессы, политику, общественное мнение стран ближнего зарубежья, используя самые разнообразные инструменты, эффективность которых доказана событиями последнего времени (поддержка дружественных СМИ, предоставление грантов некоммерческим организациям, возможность бесплатного обучения и переподготовки в России граждан стран СНГ, во влиянии на которых Россия наиболее заинтересована и т.д.). Это является и необходимым условием выполнения важнейшей задачи - формирования позитивного образа России в странах ближнего зарубежья.

Значимость этой задачи со временем неизбежно будет возрастать, прежде всего, в силу естественного процесса смены поколений и исчезновения фактора общего советского прошлого – значительной ментальной близости как естественного преимущества России (которым она, к сожалению, не смогла в должной мере воспользоваться в 1990-х – начале 2000-х гг.), – это относится как к элитам (политическим и интеллектуальным) государств ближнего зарубежья, так и к «простым» гражданам этих стран. Кроме того, развитие демократических институтов (хотя и непоследовательное, разноскоростное, сопровождающееся в ряде стран временными откатами) в новых независимых государствах будет означать и повышение значимости общественного мнения при выработке внешнеполитического курса.

В то же время, если формированию позитивного образа России в странах Европы и США уделяется в последние годы значительное внимание, то улучшение имиджа страны в общественном мнении

государств ближнего зарубежья пока не осознано и не артикулировано российской элитой в качестве приоритетной задачи.

§ 2. Формирование образа России в странах постсоветской Евразии: возможности и ограничения

Образ России в значительной степени определяется теми принципами и ценностями, на основе которых Россия строит, и, что тоже немаловажно, которые она декларирует как основания своей политики на постсоветском пространстве, и, исходя из которых предлагает своим партнерам некий интеграционный проект. По этому поводу на протяжении, по крайней мере, последнего десятилетия в российском экспертном сообществе преобладают резко критические оценки; при этом, как представляется, в подавляющем большинстве случаев сколь-нибудь взвешенной альтернативы не предлагается. Так, вполне типичной является позиция известного специалиста С. Маркедонова, высказанная им в конце 2004 г. По его мнению, «Россия выбрала самый неудачный из возможных путей интеграции некогда единой страны - на основе ценностей, приведших к ее распаду. Отказавшись от политического наследия СССР внутри страны, российское руководство в ближнем зарубежье проводило и проводит внешнюю политику в духе ностальгии по Советскому Союзу. В результате образ России в странах СНГ и Балтии стал ассоциироваться с советским реваншем, а все российское стало синонимом архаичного»⁶⁵. Соответственно, страны СНГ начали и самостоятельные поиски собственной идентичности, и собственные формы участия в различных интеграционных проектах, нередко – без какого бы то ни было российского участия. При этом элиты целого ряда государств ближнего зарубежья однозначно связывают свое будущее с США и Европой. В такой

ситуации, когда «родство с СССР как основа больше не работает», для российской политики, по мнению эксперта, остаются возможными лишь два сценария: либо продолжать прежнюю политику, и тем самым еще более отталкивать бывшие советские республики, либо выстраивать в дальнейшем отношения с бывшими советскими республиками «на основе национальных российских интересов и национального эгоизма». В случае реализации второго сценария, который автор почему-то называет инновационным (хотя отказ от прежней политики сам по себе, конечно, не означает реализации инновационного курса), Россия будет восприниматься партнерами по СНГ «не брызжащей «старшей сестрой», а выгодным экономическим партнером, привлекательным интеллектуальным центром, сильным и ответственным военно-политическим гарантом. Позиционировать себя как государство, продвинутое в развитии демократических институтов, имеющее особые отношения с западными партнерами и готовое стать мостом в Европу»⁶⁶. Мы столь подробно воспроизвели позицию С. Маркедонова, поскольку в последние годы подобного рода воззрения, как нам представляется, возобладали не только в российском экспертном сообществе, но стали весьма популярными и среди представителей властных структур. Весьма характерным представляется последовавшее несколько месяцев спустя после публикации указанного материала высказывание М. Колерова, бывшего начальника управления администрации Президента РФ по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами, играющего в последние годы одну из ключевых ролей в выработке российской политики по отношению к странам СНГ: «Главным движущим фактором России должен быть только экономический эгоизм»⁶⁷.

⁶⁵ Маркедонов С. Постсоветское пространство станет построссийским // www.prognosis.ru/news/asng/2004/11/9/markedonov.html

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Колеров М. Главным движущим фактором России должен быть только экономический эгоизм // <http://kreml.org/opinions/79827255>

Бесспорно, в сравнении с проводившейся в предшествующие годы политикой совершенно бессмысленного субсидирования стран СНГ, не только тех, которые позиционировали себя в качестве союзников России (в большинстве случаев, не стремясь стать таковыми на деле), но и тех, кто практически не скрывал антироссийской доминанты своей внешней политики, экономический (и – шире – национальный) эгоизм как основа российского внешнеполитического курса представляется определенным шагом вперед. Однако так же очевидно и то, что образ России в странах ближнего зарубежья в последние годы, во всяком случае, не улучшился; скорее, отношение к России в ряде государств стало более негативным, что не в последнюю очередь связано именно с новыми чертами российской политики по отношению к странам СНГ.

Признание в России на официальном уровне Содружества независимых государств формой «цивилизованного развода» бывших советских республик, вполне справедливое с точки зрения констатации институциональной слабости СНГ и принципиальной невозможности превращения данной организации в основу для реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, нередко сопровождается заявлениями и действиями российских должностных лиц, оставляющими впечатление почти изоляционистской политики, нарочитой демонстрации жесткости в отношении государств ближнего зарубежья.

Поэтому вполне осознавая, что создание благоприятного образа страны является не единственной, а в большинстве случаев – даже и не главной задачей, и реальные экономические интересы страны, как правило, не следует приносить в жертву имиджевой политике, следует понимать и то, что заявления аналитиков и, в особенности, высокопоставленных чиновников, подобные приведенным выше, должны быть если и не исключены полностью, то сведены к минимуму, как создающие ненужную напряженность в отношении с государствами ближнего зарубежья. Кроме

того, следует учитывать, что подобные высказывания зачастую тиражируются средствами массовой информации этих стран, сопровождаясь к тому же весьма недружественными для России комментариями; таким образом, «на ровном месте» создаются невыгодные для РФ информационные поводы для очередного витка антироссийской риторики. Высшим российским чиновникам, как впрочем, и всей российской элите, включая руководителей как государственных, так и негосударственных СМИ, необходимо стать существенно более тактичными в отношении новых независимых государств, – даже в ситуациях, когда складывающиеся обстоятельства диктуют необходимость проведения реальной жесткой линии в политической, экономической или военной сфере.

Возвращаясь к приведенному выше мнению С.Маркедонова, необходимо отметить, что российская политика никогда не была основана исключительно (и даже преимущественно) на советских ценностях, хотя и апеллировала (и продолжает апеллировать) в целом ряде случаев к «ностальгии по Советскому Союзу», что представляется вполне оправданным, хотя бы с учетом того, что до настоящего времени даже на Украине более половины населения продолжает сожалеть (по данным опросов общественного мнения) о распаде СССР; этот ресурс (убывающий, но на протяжении еще многих лет будет являться весьма значительным) можно и нужно использовать, не делая на него, разумеется, основную ставку. То, что «образ России... стал ассоциироваться с советским реваншем» является, по большому счету, не результатом российской политики (хотя некоторые действия российского руководства и в самом деле работали и продолжают работать на это), а следствием вполне объяснимой политики элит новых независимых государств, стремившихся к самоутверждению и укреплению своих позиций за счет форсированного конструирования национальных идентичностей, что,

очевидно, предполагало противопоставление этих государств России и формирование негативного образа России как по-прежнему имперской державы. Предотвратить подобное развитие событий после распада СССР российское руководство едва ли смогло бы, даже действуя более искусно и в то же время последовательно, чем это происходило на протяжении 1990-х гг.

Но особенно странным представляется нам предположение С. Маркедонова и ряда других экспертов о том, что, выстроив «особые» отношения с западными партнерами, Россия смогла бы (при проведении грамотной политики) стать для новых независимых государств «мостом в Европу». Во-первых, насколько мы можем судить, заявка на такую роль была сделана Россией уже вскоре после распада СССР, и она была Западом вполне определенно отвергнута. Реализация подобного сценария сейчас, в условиях все более обостряющейся геополитической конкуренции за влияние на постсоветском пространстве, представляется просто невыполнимой. Помимо того, что Западная Европа и (в особенности) США, очевидно, не нуждаются в таком промежуточном звене, само озвучивание подобных идей способно ослабить позиции России на постсоветском пространстве. Ответ политических и интеллектуальных элит новых независимых государств на подобную заявку России будет очевиден: если Россия предлагает нам свою «помощь» в приобщении к западным ценностям, не лучше ли нам обратиться непосредственно к их источнику? Выдвижение подобной концепции в современных условиях будет означать окончательный отказ России от каких бы то ни было претензий на выдвижение собственного интеграционного (или – шире – объединительного) проекта.

Кроме того, в условиях обострения противоречий между Россией и странами Евро-Атлантического блока, нарастающей критики России, как в американских, так и в европейских СМИ, даже позиционирование Россией

себя на постсоветском пространстве в качестве истинно европейской демократической страны, т.е. составной части «Запада» (на необходимости чего еще недавно настаивали многие политтехнологи, в т.ч. и близкие к Кремлю), представляется весьма затруднительным.

Однако положение России осложняется тем, что она также не может позволить противопоставить себя Западу. Возможно, утверждения А.Миллера о том, что «всякий, кто поставлен перед необходимостью делать стратегический выбор между Западом и Россией, выберет Запад и будет прав», а «соревнование с Западом в цивилизационной привлекательности Россия проиграла всерьез и надолго»⁶⁸, и являются чересчур категоричными, но немалую долю истины они в себе содержат.

Представляется, что в данной ситуации лучшим (и едва ли не единственно возможным) имиджевым сценарием для России является позиционирование себя и не как «моста на Запад», и не как «части Запада», и – тем более – не как альтернативы Западу, а как «другого Запада» – менее требовательного к готовым сотрудничать с ним странам, менее притязательного, свободного от чрезмерной заносчивости в отношениях со своими партнерами и не выдвигающего по отношению к ним столь многочисленных и зачастую невыполнимых требований (таких, как форсированная демократизация). Но в то же время Россия должна стремиться предстать в глазах своих партнеров в целом демократической страной (пусть и сформировавшей у себя, по выражению Дж. Буша, весьма удачному с точки зрения российской имиджевой политики, «демократию в российском стиле»; при этом, разумеется, необходимо помнить о том, что дальнейшее усиление в России антидемократических тенденций способно сделать эту задачу практически нерешаемой) и современным обществом, привлекательным для интеллектуальных элит стран ближнего зарубежья; страной, по мере возможности удерживающей их режимы от наиболее

вопиющих нарушений прав человека (это актуально, разумеется, прежде всего, в отношении государств Центральной Азии) и мягко (во всяком случае, в публичном пространстве; в непубличной сфере можно и нужно в целом ряде случаев действовать весьма твердо) обращающей их внимание на действительно существующие проблемы с гражданскими правами, положением этнических меньшинств и т.п. И в то же время Россия должна предстать страной динамично модернизирующейся и готовой содействовать модернизации своих партнеров, при этом ценность идеи развития должна быть приоритетной по отношению к ценностям демократии.

«В обмен» же на такую политику, подкрепленную рядом экономических преференций (речь, разумеется, не идет о возвращении к порочной практике существования «эксклюзивных» цен на энергоносители и т.п.), Россия вправе рассчитывать на отказ от прежней политики формирования национальных идентичностей на старой – т.е. по сути антироссийской – основе (или хотя бы на существенную коррекцию такой политики), тем более что по прошествии более чем полутора десятилетий с момента распада СССР суверенитету новых независимых государств уже, очевидно, ничто не угрожает; соответственно, исчезает и необходимость укреплять этот суверенитет указанным способом.

Когда мы говорим о проекте интеграции евразийского постсоветского пространства, нельзя обойти узел задач, находящийся в сфере идеологии и уже сложившихся систем власти. Поэтому для решения основных прикладных задач «гуманитарной стратегии» крайне важным является создание арсенала механизмов развития медийной сферы, направленного на укрепление идеи интеграции большого евразийского пространства. На данный момент преждевременно утверждать, что в сознании граждан или бюрократии участников ЕврАзЭС (можно

⁶⁸ Миллер А. Многое испорчено, но не все потеряно // Pro et contra. 2005. Т. 9.

рассматривать эту структуру как один из основных механизмов реинтеграции или интеграции) существует проект, основанный на идеях подобных концепциям региональной европейской интеграции, или даже проект, мотивированный идеей по типу концепции развития общеевропейского дома. Рассматривая функционализм и неофункционализм как теории интеграции, с наибольшей степенью соответствовавшие практике создания и развития Европейских сообществ, можно говорить о возможности применения этих концептов и к решению неких функциональных задач постсоветских стран (поддержание единой транспортной сети, безвизового режима и т.д.), призванных, в конечном итоге, решать и политические задачи для национальных государств, но не рассматривающих создание федерации или даже конфедерации как цель этого интеграционного процесса.

Европейская интеграция начиналась сверху, с начала 1950-х гг. Среди элит большинства стран-участников Европейских сообществ доминируют воззрения, в той или иной степени связанные с поддержкой европейской интеграции, и, несмотря на кризисы, обусловленные, прежде всего, неприятием Конституции ЕС, оптимизм по поводу развития ЕС проявляет и большая часть населения стран-участников этого интеграционного блока. В СНГ идея интеграции, во многих аспектах близкая по смыслу европейской, пока не находит серьезной поддержки у населения. Нет также и ясной готовности к интеграции у политической элиты, нет четкого интереса у бизнес-элит. Пока нет и четкого понимания пользы от интеграции. В данный период времени обществам и элитам СНГ нужны лишь эффективные двусторонние государственные отношения, а где это возможно, то и снижение государственных барьеров на пути капитала и рабочей силы. Общие политические структуры и даже

структуры безопасности (несмотря на существование ОДКБ) пока не являются важным интеграционным фактором.

Период дефрагментации советского государства сменил период собственного национального строительства, который пока не исчерпан. Перепрыгнуть через эту ступень не удастся. Национальное государство и его суверенитет – принципиально новый феномен для большинства стран СНГ. Идея наднационального строительства остается пока слишком смелой, тем более в условиях минимальной лояльности постсоветских элит к СНГ, ОДКБ и ЕврАзЭС. Наднациональные органы этих структур пока не вписываются в региональную политическую картину, хотя, принимая во внимание европейский опыт, базу для реализации развития новых более эффективных наднациональных структур в постсоветской Евразии нужно готовить уже сейчас. Работая над этим проектом, необходимо учитывать следующие факторы:

1) Многие из бывших республик никогда не существовали на карте как независимые государства, а многие, как они сами считают, находились в состоянии колониальной подчиненности по отношению к России. По их историческим меркам они только начинают жить как суверенные страны. Их властная элита только встает на ноги, представителям этой элиты льстит та ответственность, которая на них возложена, и они ощущают себя добрыми королями, «отцами» нации. Это важный период в жизни новых независимых государств, который, безусловно, не подразумевает быстрое развитие интеграционных воззрений.

2) Абсолютизация принципа национального суверенитета и национальной уникальности работает на укрепление политического режима и усиливает национальное государство. Но возникает конкуренция с таким же корпусом идейно-политического обоснования процессов нацстроительства в соседней стране. В этом контексте показательно, что, например, удобная для интеграции идея пантюркистской общности

потерпела крах. Если же говорить об идее исламского единства, то она для задач евразийской интеграции будет иметь, безусловно, деструктивное влияние. Религия в принципе является достаточно мощным ограничителем, если не препятствием интеграционного строительства (в какой-то мере религиозные факторы могут выступать на современном этапе развития постсоветской Евразии как механизм территориальной экспансии).

3) Для интеграции даже в рамках ЕврАзЭС необходим некий общий проект, идеология которого пока не сформулирована. Однако, как уже отмечалось выше, можно работать и с тем, что условно называется «общее советское наследие». Способы его политической переработки и фильтрации могут в дальнейшем породить новые смыслы. Необходимо выработать осознанное и системное отношение к преступлениям сталинского периода, периода большевизма. Проблему исторического анализа наиболее острых проблем, например, украинского «голодомора», депортации малых народов и других, связанных, в основном, с преступлениями сталинского режима, необходимо выделить в отдельный блок внутри общего исторического наследия стран СНГ, и работать уже как с общим трагическим наследием советского прошлого ныне свободных народов СНГ. Даже сейчас, когда, например, проблема «голодомора» монополизирована строителями украинской национальной идеологии, такой блок исторического наследия можно обернуть на пользу общему развитию, способствуя совместным историческим исследованиям. Открытая работа комиссии историков, например, под патронажем президентов двух стран, могла бы частично снизить напор антироссийских выпадов, ограничить «идейную базу» национал-экстремистов, всплывших на волне «оранжевой» эйфории. Но такая работа должна учитывать и обратную сторону медали, поскольку многие группы властной элиты, особенно в среде силовиков, воспринимают такой поворот во внешней

политике как демонстрацию слабости. Эта группа также слишком болезненно относиться к угрозам вынудить Россию как правопреемницу СССР к выплате контрибуций. Очевидно, что международный авторитет и сила современной России не оставляет подобным маргинальным элитным группам внутри стран СНГ никаких шансов не только на выплату таких «контрибуций», но и даже на то, что такие требования будут серьезно рассматриваться какими-либо международными органами. В этом контексте существует и другой традиционный и серьезный аргумент в пользу развития такого типа внешней политики - «процесс, который невозможно остановить, необходимо возглавить», даже по прошествии 16 лет после распада СССР и продолжающейся все это время в постсоветских странах интеллектуальной «вакханалии» по переписке истории СССР и самой России, для современной России и представителей ее научной и интеллектуальной элиты пока остается еще время, для того, чтобы инициировать и продвигать разработку концепций, призванных разделить понятия конкретная «вина» за преступления и историческая «ответственность», ныне слитые в аморфное целое. Очевидно и то, что часть проблем необходимо просто оставить для решения будущим поколениям, опыт большинства конфликтов в постсоветской Евразии показывает, что именно история являлась базой (наряду с этническими факторами) для идеологов военных конфликтов начала 1990-х г.г.

4) Российские историки и обществоведы вместе с внешнеполитическими ведомствами, безусловно, должны эффективно и окончательно концептуально отделить современную Россию от сталинского СССР (как государства нероссийского). Попытки называть Советский Союз Россией необходимо категорически пресекать как внутри страны, так и особенно в ходе дискуссий с иностранными оппонентами. Привязывание негативного наследия СССР к неудачам российской нации, или даже русского этноса, является важным инструментом идеологической

борьбы для националистических элит большинства стран СНГ, очевидно, что настало время жесткого идейного противостояния этим стереотипам.

5) Российские политические и бизнес элиты проходят практически через ту же стадию национального возрождения, что и их и партнеры в СНГ. На этой стадии собственные интересы и проблемы остаются превыше всего. Однако, в отличие от партнеров по СНГ, за элитами России остается ответственность за регион бывшего единого государства и в сфере безопасности, и особенно в том, что касается поддержки русского и русскоязычного населения. Каковы будут последствия сочетания тенденции на реинтеграцию и тенденции на концентрацию на внутренних проблемах? Интегрированное сочетание этих целей с укреплением Российского государства в последние годы уже становится возможным, сильная Россия, как лидер евразийского пространства, очевидно, будет уделять большее внимание развитию структур ЕврАзЭС, поскольку именно в этой структуре внутренние и внешние цели развития совпадают в большей степени, чем в СНГ.

Большая группа влиятельных российских экспертов, опираясь на поддержку части политической элиты, активно, особенно в последние 4-5 лет, настаивает на необходимости фактической реконструкции державно-имперской модели, эти планы слабо сочетаются с принципами модели равноправной интеграции – ее одинаково не приемлют как те группы, которые готовы «платить» за такую форму интеграции (но если платим, то и сами управляем), так и те, кто не готов субсидировать страны СНГ за счет Российской Федерации, то есть решать их проблемы ради единого пространства, общего будущего. Большая часть этой группы экспертов и влиятельных чиновников прекрасно осознают, что данное строительство потребует, прежде всего, от России крупнейших вложений, сопоставимых с субсидированием республик СССР в советское время. Кроме того, более глубокая интеграция в постсоветском регионе потребует

перераспределения полномочий и рычагов власти. Элиты стран-участников могут требовать от россиян больших приоритетов, что приведет к трениям с наднациональными органами⁶⁹. Сейчас сложно представить ситуацию, когда Генсек ЕврАзЭС получает полномочия председателя Еврокомиссии, и от него будут зависеть не только ставка импортных таможенных пошлин в Казахстане, но и вопросы внешней политики, вопросы бюджета и налогообложения. Собственно к этому в долгосрочной перспективе должен привести данный проект. В настоящее время такая перспектива мало кого обрадует в руководстве постсоветских государств. Таким образом, в СНГ мы наблюдаем доминирование национального интереса над наднациональными, что необходимо учитывать в разработке механизмов формирования образа России.

Проблема формирования «образа России в СНГ» коррелируется с «образом интеграции», который подразумевает пространство общих ценностей. Сам факт отсутствия комплексного проекта интеграции должен лишь усиливать внимание государственных органов к решению этих проблем и не должен мешать продолжению поиска общих ценностей, на базе которых может начаться новый этап интеграционных процессов в постсоветской Евразии.

§ 3. Образ России: векторы и механизмы гуманитарного продвижения

Специфика нынешней стадии постсоветского развития такова, что от гуманитарного сотрудничества ждут решения других проблем, прежде

⁶⁹ Такие процессы характерны и для Европейского Союза, когда, используя механизмы европейского права и процедуры принятия решений, малая или средняя страна ЕС навязывает свою волю более крупным государствам (например, как это произошло в конфликте большинства стран-участников ЕС с Польшей по поводу формулировок Конституции Европейского Союза).

всего, в сфере экономики и безопасности. Однако, очевидно, что без гуманитарной интеграции и реинтеграции невозможно решение и других проблем, связанных как с углублением сотрудничества в постсоветской Евразии, так и с формированием позитивного отношения к России со стороны стран региона.

Структур, специально созданных для реализации гуманитарной стратегии России на постсоветском пространстве, пока не существует. Большинство государственных структур, как и НПО-НКО, которые по роду своей деятельности должны работать в этом направлении, выполняют лишь небольшую часть от необходимого. Кроме того, в нашей стране явно недостаточно экспертов и менеджеров, способных своими знаниями и авторитетом продвигать процесс гуманитарной «интервенции» России. Безусловно, существуют достаточно мощные исторически сложившиеся «островки» культурологического влияния, например, сотрудничество в области кинематографа: российские фестивали по-прежнему притягивают интерес авторов и производителей кино в СНГ. Очень велико значение российского телевидения, печатных изданий и русскоязычной научной и развлекательной литературы, поп-музыки, театра и особенно российского сегмента сети Интернет. Рунет привлекает к себе массу внимания, выполняя, по сути, функцию продвижения пространства русского языка для элит.

Российское информационное пространство сумело притянуть к себе массовый интерес населения постсоветских стран. Этому способствовали две причины. Во-первых, русский язык по-прежнему остается основным языком коммуникации между группами элит в ряде постсоветских стран. Во-вторых, на протяжении последних 15 лет русский оставался главным языком телевидения и массовой культуры в СНГ: первый и второй канал российского телевидения транслировался почти во всех странах. Однако национальный язык в каждой стране усиливает свои позиции, и при

помощи государства активно входит в медийное пространство, поэтому без поддержки из России коммуникационная сила русского языка будет уменьшаться. Преимущество русского языка на постсоветском пространстве закономерно после семидесяти лет СССР, но после распада Союза это преимущество до 2002-2004 г.г. почти не поддерживалось в рамках официальной политики Кремля. Существование русского смыслового пространства в последние 15 лет основывалось, во многом, на успехах российской элитной и, в особенности, массовой культуры (при очевидном упадке в развитии каналов трансляции и развития некоторых национальных культур, уже не поддерживаемых советской системой). Это пространство во многом также де-факто поддерживалось и национальными элитами многих стран СНГ, большинство представителей которых обучалось в ведущих университетах СССР на русском языке.

Если говорить о политических механизмах, то надо вспомнить, что в структурах СНГ существует *Совет по гуманитарному сотрудничеству государств-участников*. Недавно его возглавила помощник Президента Российской Федерации Д. Полльева, одновременно она продолжает работать и представителем Президента РФ по вопросам гуманитарного сотрудничества со странами СНГ. О проектах, в которых заинтересован Совет и его новый руководитель, известно на данный момент сравнительно немного. В Кремле, безусловно, понимают, что возрождение национальной культуры и языков в странах СНГ естественный и безальтернативный процесс, но при этом в российских интересах крайне важна поддержка в этих странах как минимум нынешнего уровня знания русского. Поэтому, приветствуя процесс развития национальных языков в СНГ, Совет стремится уделять большее внимание программам развития русского языка. Совет должен будет также координировать предоставление через министерство образования РФ и сами российские университеты квот для студентов из СНГ. Совет должен также вести

работу по разработке управленческих и законодательных механизмов взаимного подтверждения дипломов стран СНГ. Серьезное внимание Совета должно будет уделено развитию русских библиотек в вузах и школах СНГ, изучению русского языка как иностранного. Аккумуляцией денежных средств для Совета занимается Фонд гуманитарного сотрудничества. Соглашение о нем подписали семь государств. В организационно-правовом плане этот Фонд должен быть похож на ЮНЕСКО. Через Фонд в страны СНГ можно будет проводить различные проекты от научно-производственных до творческих и образовательных; часть проектов планируется реализовать на принципах частно-государственного партнерства.

Проекты фонда остаются достаточно тривиальными, не выходящими за рамки деятельности обществ дружбы, а ведь в разработке стратегии Совета и Фонда должны учитываться и процессы начала периода смены поколения в элитах и интеллектуальных кругах стран СНГ, на смену тем, кто учился в России (и в какой-то мере продолжает ностальгировать по общему культурному пространству), приходят другие люди, и для новых реалий необходимы инновационные подходы, которые должны использовать новые каналы передачи информации, связанные, во многом, с развитием сетевых структур и народной дипломатии.

В настоящее время управляющую элиту Содружества скорее интересует отлаженный экспорт, рост производства, поэтому в СНГ реально востребованы только транспортные и инфраструктурные проекты. Но это не означает, что время для гуманитарных усилий не пришло, все эти проекты необходимо осуществлять параллельно. Кроме того, если мыслить стратегически, а не исходить только из решения текущих проблем, то сценарии инновационной интеграции и новой реинтеграции на постсоветском пространстве могут реализоваться уже в ближайшие годы. В таком случае, даже отсутствие экономического базиса не должно лишать

воли к более тесным отношениям в гуманитарной сфере. Если сохранится на будущее, хотя бы то, что сложилось сегодня в культурном пространстве СНГ, то впоследствии, когда будут заново очевидны центростремительные тенденции, эти стратегии из «бесперспективных» перейдут в разряд ключевых.

Как уже было отмечено выше, в РФ существует некоторый дефицит специальных структур, занимающихся продвижением российских гуманитарных, образовательных и культурных программ в СНГ, формирующих образ России.

С одной стороны, мы можем считать, что каждое ведомство, функционирующее в пространстве СНГ, в той или иной степени должно выполнять эти функции, однако на практике это приводит к размыванию полномочий, низкой эффективности и отсутствию критериев по оценке их деятельности. В этой сфере постоянно возникают коллизии бюрократической борьбы, например, должно ли Министерство регионального развития РФ выдвигать свои условия и контролировать реализацию части программ по работе с диаспорой, связанных с деятельностью Федерального агентства по культуре и кинематографии? Как улучшить работу «Росзарубежцентра», усиливая контроль, но, не выделяя его из структуры МИД? Надо ли создавать специальные межведомственные органы и правительственные комиссии для организации и консолидации деятельности структур, связанных с продвижением гуманитарных интересов?

В определенных деталях политика государства в этом направлении, безусловно, оптимизируется. Так, новым шагом в развитии «soft power» или «мягкой силы» России, явилось создание государственного Фонда «Русский мир»⁷⁰. Руководство фонда сразу обозначило параметры работы,

⁷⁰ Фонд создан указом президента № 796 от 21 июня 2007 года. Учредителями от имени РФ выступают Министерство иностранных дел и Министерство образования и науки. Имущество фонда формируется за счет средств федерального бюджета,

точнее оценок своей будущей деятельности – «работать как» Британский совет⁷¹, Институт Гете, или Французские культурные центры при посольствах (такие центры существуют почти в двухстах странах мира). Необходимость создания фонда, управляющего органа для гуманитарных программ, отчетливо выкристаллизовывалась в последние годы. Деятельность «Росзарубежцентра» Российской Федерации себя не оправдала. Возможно из-за слабости их головного органа – Министерства иностранных дел, во многом сейчас являющегося органом технического сопровождения внешнеполитической деятельности президента. Экспертная и менеджерская слабость МИДа возникла из-за долгого недофинансирования, сейчас, когда ситуация с финансированием значительно улучшилась, недостаток человеческого капитала продолжает быть главной проблемой для российского внешнеполитического ведомства.

Интерес к формированию позитивного образа России в постсоветской Евразии со стороны МИДа был за все годы после распада СССР минимален. До появления программы «Соотечественники» отношение в МИДе к Росзарубежцентру вообще было словно к отжившему рудименту. До сих пор, несмотря на увеличение финансирования, МИД и подотчетный ему Росзарубежцентр не имеют четкого плана работы с национальными диаспорами стран СНГ, а ведь как было отмечено выше, именно диаспоры и сообщества могут быть важнейшим инструментом

добровольных имущественных взносов и пожертвований, а также иных источников в соответствии с законодательством РФ. Оперативное управление осуществляет правление фонда, члены которого назначаются Президентом РФ. Правление возглавляет исполнительный директор, также назначаемый Президентом. Кроме того, Попечительский совет, председатель и его члены также назначаются главой государства. Исполнительный директор фонда – политолог Вячеслав Никонов. Бюджет фонда 500 млн. рублей в год.

⁷¹ Британский Совет, например, возник в 1934 г., когда стало ясно, что Британская Империя неизбежно распадется. Для британского руководства в тот момент было очевидно, чтобы не потерять влияние на новые независимые государства, сохранить с ними дружественные отношения, необходимы новые формы взаимодействия.

продвижения российских интересов и могут достаточно эффективно влиять на формирование позитивного образа России в постсоветских странах. В сравнении со своим предшественником - Союзом советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) – Росзарубежцентр выглядит неэффективной организацией. ССОД был создан еще в 1958 г. для продвижения позитивного образа СССР. Естественно, как любая идеологического рода «таблетка» она была упакована в оболочку русской культуры, в оболочку «языка Пушкина и Достоевского», в оболочку «дружбы социалистических народов». По существу, ССОД достигал своих целей благодаря мощи и значению СССР, хотя и собственно инструментарий ССОД по продвижению позитивного образа СССР был для тех условий достаточно эффективным.

В настоящее время ситуация меняется. Сегодняшняя официальная внешнеполитическая доктрина России отличается большей заинтересованностью в распространении гуманитарных программ, направленных на страны СНГ. Работа идет в нескольких структурах по ряду программ. Проводятся различные мероприятия, типа ежегодного обмена «Год России» - «Год страны-партнера». Активизировались государственные средства массовой информации, профессионально занимающиеся распространением позитивной информации о России. Среди этих каналов, работающих как по всему миру, так и в отдельных регионах - «Голос России», «Маяк», ТРК «МИР», - появились и новые телевизионные каналы, рассчитанные на зарубежного зрителя - «РТР-Планета», «Russia Today» (вещание канала осуществляется на английском языке, бюджет этого канала, по оценкам экспертов, составляет около \$35 млн. в год, хотя его зрительская аудитория насчитывает до сих пор всего лишь несколько десятков тысяч человек) и «Русия аль Яум» (канал на арабском языке). С большой помпой был учрежден и другой имиджевый проект - журнал и Интернет сайт Russia Profile - совместный проект РИА

«Новости» и издательского дома Independent Media. Говорить об эффективности этих медиа механизмов еще рано. Можно предположить, что при проведении открытой информационной политики в будущем они будут в состоянии выполнять задачу продвижения гуманитарных интересов России.

Если попытаться ответить на вопросы: кто формирует задачи гуманитарного продвижения интересов России, кто инициирует и направляет деятельность СМИ, госуниверситетов и академических и исследовательских институтов, кто аккумулирует общий потенциал культуры для эффективного и грамотного применения в пространстве СНГ, то окажется, что ответ вполне очевиден: такой структуры нет, подобный единый штаб принятия решений отсутствует.

Управление Президента РФ по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами ни численно, ни по своим прерогативам не может осуществлять работу, подобную той, что берут на себя фонды типа «Русский мир» и другие подобные структуры с меньшим уровнем финансирования. Наконец, еще один довод в пользу развития российских фондов как таковых, неважно государственных или частных, трансляция российской культурной матрицы во вне должна находиться в руках качественно образованных людей, способных находить баланс в сложных условиях политических кризисов и неоднозначного отношения к России. К сожалению, зачастую само словосочетание «русский мир» узурпируют группы давления, которые внутри страны выступают за построение однополярной, исключительно русской национальной системы, а во внешней политике для этих групп важнейшим фактором развития является экспансия «великой империи», пусть даже понимаемая в новой форме как экспансия экономическая, геостратегическая. На такой концептуальной основе даже с возможным привлечением сетевых структур народной

дипломатии, проекты, основанные на принципах «мягкой силы» («soft power»), эффективно работать не смогут.

§ 4. Образ России и проблемы экономической интеграции постсоветского пространства

Особо следует остановиться на проблеме формирования позитивного «экономического образа» России. Очевидно, что обеспечение экономической интеграции является приоритетным направлением российской политики на постсоветском пространстве.

При этом необходимо отметить, что странам СНГ предстоит искать пути преодоления во многом общих для них кризисных явлений. Перечислим некоторые из них, самые распространенные и острые:

- старение производственной базы и отсутствие собственных инновационных производств;
- разрыв в уровне доходов и зарплат между массой и элитами, нижней границей среднего класса и необеспеченными;
- удорожание тарифов на энергоресурсы и транспорт, дефицит объединенных транспортных систем;
- ухудшение условий внешней торговли, давление глобального рынка на местных производителей;
- заметное увеличение нагрузки на социальную систему, прежде всего, на здравоохранение и пенсионное обеспечение, даже в тех странах, в которых средний возраст трудоспособного населения ниже европейского (во многих странах СНГ если и не начинается повышение доли людей из старших возрастных групп, то точно возрастают

социальные обязательства государства).

Эти примеры дают некоторое представление об общности социально-экономических проблем, стоящих перед постсоветскими странами. Во всех странах СНГ продолжает усиливаться социальное напряжение, связанное с нехваткой кадров практически во всех звеньях и направлениях государственного и бизнес управления. На этот кризис влияют два основных демографических фактора: первый – снижение уровня рождаемости и уменьшение продолжительности жизни; второй – массовая эмиграция (прямая и челночная). Демографические потери России меньше, чем у многих соседей по СНГ, во многом это связано с тем, что как в относительных цифрах (на душу населения), так и в абсолютных цифрах, Россия за последние 16 лет занимает второе после США место в мире по количеству иммигрантов⁷². За 16 лет после распада СССР Россия потеряла около 6% населения, но с учетом нелегальных иммигрантов население России даже несколько выросло; Украина, Казахстан, Молдова и Армения потеряли примерно по 15% населения; в современной Грузии, по оценкам экспертов, проживает лишь около 60% от численности населения 1991 года; демографическая ситуация в таких странах как Азербайджан, Таджикистан⁷³, Кыргызстан, Узбекистан, несмотря на высокий уровень рождаемости, практически не поддается оценке в силу того, что значительная часть мужского населения этих стран легально и/или нелегально работает в России, большинство этих трудовых мигрантов постоянно проживают в России⁷⁴, и они являются, по сути, не приглашенными работниками, а иммигрантами.

⁷² За период с 1991 г. Россия вышла на второе место в мире (после США) как по количеству легальных (около 8,5 млн. человек), так и по количеству нелегальных иммигрантов (оценочно, около 11 млн. человек).

⁷³ Почти 90% трудоспособного мужского населения Таджикистана работало или работает в России в качестве челночных приглашенных рабочих.

⁷⁴ В последние годы наблюдается достаточно большой поток приглашенных рабочих-мигрантов из Кыргызстана и Узбекистана и в Казахстан.

Работая в России, большинство приглашенных рабочих, безусловно, получают не только более высокие, чем на родине зарплаты, но и в какой-то мере повышают свой культурный и образовательный уровень. Для некоторых стран СНГ (Таджикистан, Армения, Грузия, Молдова) денежные переводы трудовых мигрантов являются не только основным источником дохода семей, но и вносят существенный вклад в экономику страны - например, в Молдове, по оценкам экспертов, эти переводы составляет около 30% от ВВП, в Таджикистане около 50 % от ВВП.

В этом контексте подготовка человеческого капитала может являться одной из главных форм как экономического, так и гуманитарного продвижения РФ на пространстве СНГ. Россия должна позиционироваться как лидер, способный решить проблемы нехватки квалифицированных кадров, при этом, как используя схемы привлечения и переподготовки кадров из других стран СНГ, так и являясь центром университетского образования для постсоветских стран.

Делая ставку на «гуманитарный проект» - улучшение качества человеческого капитала в СНГ - не так быстро, как хотелось бы, но при желании, Кремль сможет обеспечить базу и для инновационной экономической интеграции и реинтеграции. Привлекательность российского экономического пространства для масс очевидна - это большой рынок труда и пространство для малого и среднего бизнеса. Именно в этом секторе сложилось достаточно ясное основание интеграции, усиливающее живые связи между странами. Как уже было отмечено выше, на протяжении почти двадцати лет Россия замыкала на себя большинство миграционных потоков внутри пространства СНГ. Если в 1990-е г.г. развитие человеческого капитала не было столь важно (приезд в Россию стал просто выходом из кризисного и нищенского положения для миллионов простых тружеников и этнических беженцев), то сейчас уже можно говорить о приобретенном социальном капитале для Российской

Федерации, поскольку многие из мигрантов первой волны стали вполне состоявшимися российскими гражданами, в большинстве своем претендующими на социальные места в среднем классе. Эти новые граждане России живут в основном в крупных городах нашей страны, но не разрывают старые связи с родиной, в связи с чем они могут стать наиболее важной основой для интеграции РФ со странами СНГ. В этом контексте, как уже было отмечено в третьей части монографии, значительно возрастает роль Москвы и других крупнейших городских агломератов в создании привлекательного образа жизни в Российской Федерации.

Важную роль в формировании позитивного образа России должны сыграть и представители крупного бизнеса СНГ, значительную часть года проживающие в РФ. Для этой группы необходимо создание благоприятных налоговых условий для инвестирования в общие проекты. Политика благоприятствования для экономической элиты СНГ в России не должна противоречить экономическим интересам крупного российского бизнеса, хотя, очевидно, что всем ветвям власти в России нужно содействовать уменьшению количества случаев выдавливания из российского экономического пространства бизнеса СНГ по политическим основаниям, иначе представители этого бизнес выберут для себя более предпочтительные места проживания, а вернуть их окажется уже сложнее. Межгосударственные бизнес контакты, в целом, обладают серьезными потенциальными ресурсами для решения политических и экономических задач интеграции и реинтеграции.

Для экономических (и политических) элит стран СНГ нужно предлагать конкурентные инновационные проекты мирового уровня, и в этом смысле прежние преимущества России в условиях глобальной конкуренции уже становятся недостаточно очевидными. Бизнес готов активно вовлекаться в инновации, но только при соответствующих

условиях, а государству необходимо поддерживать не только проекты с быстрой окупаемостью, но и стратегические начинания, важные для последующего закрепления на рынках соседей. Особое внимание здесь должно быть уделено вопросам создания совместных научных центров, проектов подготовки кадров высшей квалификации, совершенствования работы в области создания информационного и научного пространства без границ, в том числе путем расширения сети филиалов ведущих вузов, как российских в странах Содружества, так и вузов СНГ на территории РФ⁷⁵.

Следует отметить, что всевозможные проекты экономической интеграции стран постсоветского пространства без участия России являются достаточно искусственными, и потому их жизнеспособность весьма сомнительна; издержки от их реализации объективно могут оказаться большими, чем выгоды от сотрудничества. Как отмечает П. Бурмистров, «у бывших советских республик настолько разные экономические интересы, что если согласовать их на двустороннем уровне еще как-то можно, то даже четыре стороны уже образуют слишком неповоротливую и негибкую структуру. Подписание любого практического соглашения в торгово-экономической сфере наталкивается на слишком большое количество поправок и оговорок каждой из сторон. Это приводит к выхолащиванию эффективности соглашения, поскольку исключений становится едва ли не больше, чем правил»⁷⁶. Это связано с крайне низкой конкурентоспособностью большинства отраслей экономик постсоветских государств, которые не могут эффективно функционировать в отсутствие таможенной защиты, что предопределяет достаточно высокий уровень государственного протекционизма; именно он во многом препятствует реальной экономической интеграции. К тому же

⁷⁵ Последнее сейчас находится на стадии эксперимента по инициативе азербайджанских и казахстанских ВУЗов.

⁷⁶ Бурмистров П. Постсоветский фантом. Стоит ли России опасаться ГУАМ // Политический журнал. 2006. № 2 (97).

большинство стран СНГ имеют одну или несколько системообразующих отраслей, которые они стремятся защитить от международной конкуренции мерами тарифного или нетарифного ограничения во избежание серьезного ущерба для национальной экономики. «Посему эти страны не готовы отказываться от существующих ограничений, согласование, снижение и, в конечном итоге, снятие которых и является основной целью региональных интеграционных группировок»⁷⁷; в полной мере это характерно, например, для блока ГУАМ. А без налаживания эффективного экономического взаимодействия подобные группировки обречены оставаться неустойчивыми и, в известной мере, искусственными образованиями, не имеющими шансов трансформироваться в сколь-нибудь успешные интеграционные структуры.

Однако, как уже было отмечено, ситуация становится принципиально иной, когда речь идет об экономических интеграционных проектах с участием России. Принимая во внимание масштаб российской экономики, а также то очевидное обстоятельство, что именно РФ являлась сердцевинной единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР, присовокупив сохраняющийся, несмотря на увеличение за последние полтора десятилетия сырьевой составляющей экономики России, серьезный научно-технический потенциал и неплохие перспективы развития целого ряда несырьевых отраслей, очевидный прогресс российской банковской системы, углубление многостороннего экономического сотрудничества при участии России объективно способно оказаться взаимовыгодным. Позиции России усиливает также и то, что именно ее автомобильные и железные дороги, а также система трубопроводов являются основой единой транспортной системы, созданной в советский период. Соответственно, РФ должна стремиться стать локомотивом процесса экономической интеграции.

⁷⁷ Там же.

Определенные успехи в этом направлении в последние годы достигнуты, прежде всего, по линии ЕврАзЭС. Прогрессируют отношения России и с иными странами ближнего зарубежья, включая Украину. Впрочем, как справедливо отмечает известный украинский политик, исполнительный директор общественно-политического объединения «Украинский форум» Г. Крючков, при зафиксированном в последние годы росте товарооборота между странами СНГ, в т.ч. Россией и Украиной, на который, при каждом удобном случае ссылаются руководители, уровень сотрудничества на многих важнейших направлениях (самолетостроение, оборонные отрасли и др.) снижается. Затухает сотрудничество на межрегиональном уровне, которое обеспечивало продвижение на пути к сближению соседних стран⁷⁸. Усугубляет ситуацию стремление стран СНГ стать членами иных международных организаций, прежде всего ВТО, при этом желания проводить скоординированную с соседями политику приближения к стандартам ВТО не просматривается (в том числе, и со стороны России, несмотря на политические декларации). Основным же негативным фактором являются опасения утраты «экономического суверенитета» со стороны элит новых независимых государств.

На повестке дня стоит создание условий для развития корпоративных проектов в наиболее выгодных областях экономики: сырьевой экспорт, электроэнергетика, транспорт. И это может стать основой, вернее, платформой для здания общего «евразийского дома». Когда Нурсултан Назарбаев говорит, что готов активно окунуться в это строительство, то он искренен в своем желании человека советской закалки жить в большой и сильной стране. Он знает плюсы, равно как и минусы союзной модели. Иными словами, для создания образа интеграции как одного из факторов усиления России в СНГ в медийном пространстве необходимо демонстрировать именно позитивные качества больших

⁷⁸ <http://news.mail.ru/politics/1379518/>

совместных проектов, то, как они влияют на рост благосостояния граждан стран-участников интеграции.

В рамках интеграционного проекта интересы у каждой страны разные. Первоначально, говоря об интеграции ЕврАзЭС, в Москве по умолчанию принимали такую форму взаимодействия, в которой Россия будет безоговорочно доминировать. Сейчас ситуация кардинально меняется, Россия не может быть единственным донором процесса, а другие страны-участники, прежде всего Казахстан, выросли для большего участия и ответственности. Для Казахстана и других участников нужны не просто экономические интересы в интеграционном поле, но и пространство для реализации собственных концепций: некая симфония интересов и смыслов каждого участника.

Под интеграцией в ЕврАзЭС надо понимать не только согласование, но и некий обмен (например, в форме обмена бизнес активами и зонами политической ответственности) на взаимовыгодной основе. Такая интеграция, в отличие от европейской, не предполагает пока передачу какой-либо значимой части собственного суверенитета государств. Этим она и может быть ценна для ее участников, по крайней мере, в ближайшем будущем. Надо признать, пока новые национальные бюрократии в принципе не готовы отдавать часть функций каким-то наднациональным органам. Европейцы после Второй мировой войны не так строго оберегали собственный национальный суверенитет как новые независимые государства бывшего СССР. Интеграция в постсоветской Евразии не была и не будет следствием мировой войны, как это было в случае с ЕС, когда нужно было интегрироваться (то есть отказываться от многих суверенных прерогатив) для того, чтобы выжить. Пока суверенитет постсоветских стран действительно еще не реализован в полной мере, не нужно забывать и о другом аспекте – бюрократия новых независимых государств совсем недавно обрела это благо под названием «государство» и пока продолжает

«наслаждаться» всеми его возможностями, включая, к сожалению, и «радость от плодов государственной коррупции».

Постсоветская бюрократия будет долго держаться за свои позиции, пользуясь иммунитетом «суверенности», чтобы это увидеть, достаточно взглянуть на проблемы Союза России и Беларуси. Сложить «суверенитеты» вместе с целью их усиления не получается на протяжении более чем 12 лет.

Готовить почву для интеграции, однако, необходимо уже сегодня. Один из алгоритмов этого процесса – создание и рекрутирование новой бюрократии, как для исполнительных структур интеграционных союзов, так и для госкорпораций, непосредственно связанных с общими интеграционными процессами. «Имидж интеграции», постепенно создаваемый в медиа средствах, необходимый для обслуживания интеграционных процессов на практике, может оказать достойную и необходимую поддержку этому процессу.

В любом случае в процессе возможной реинтеграции и интеграции естественные преимущества России не реализуются сами по себе. Наряду с продуманной кадровой политикой, основанной на продвижении позитивных имиджевых характеристик, важную позитивную роль в современном экономическом взаимодействии опять же играет репутация страны, которая в известной степени влияет и на то, насколько охотно власти стран ближнего зарубежья допускают российские компании на свои рынки: будут ли для российского бизнеса создаваться некие (пусть и неформализованные) преференции, будут ли обеспечены как минимум равноправные с западными компаниями условия, или же российский бизнес будет подвергаться более или менее очевидной дискриминации, как это происходило на протяжении ряда лет в странах Центрально-Восточной

Европы, Казахстане, Азербайджане и т.д.⁷⁹

Вполне осознавая, что обеспечение благоприятных условий для проникновения российского бизнеса на рынки стран СНГ находится, главным образом, отнюдь не в сфере имиджевой политики, в то же время отметим ряд факторов, способных улучшить «экономический образ» России.

1. Необходимо, чтобы крупнейшие российские госкомпании теснейшим образом координировали свои действия с государством (в т.ч. и с внешнеполитическими ведомствами и подразделениями Администрации Президента, ответственными за политику на постсоветском пространстве), при этом в большинстве случаев *воздерживаясь от публичной демонстрации силы*, поскольку это крайне негативно воспринимается общественным мнением стран ближнего (и не только ближнего) зарубежья. (Вообще, в ряде случаев создается впечатление, что не госкомпании являются «дубинкой» в руках российского государства, а, напротив, скорее государство является инструментом, действующим в интересах руководства крупнейших энергетических корпораций).

2. Необходимо всячески пропагандировать реальный вклад российских компаний в экономическое развитие стран ближнего зарубежья. Так, например, деятельность РАО ЕЭС, несколько лет назад взявшего под контроль энергосистему Грузии и обеспечившего ее динамичное развитие (в то время как ранее контролировавшая грузинскую энергетику американская компания AES просто не справлялась с этим бизнесом), практически не освещалась СМИ, в отличие от последовавших

⁷⁹ По данным МЭРТа, инвестиционный имидж России в глазах инвесторов значительно хуже реального инвестиционного климата. Например, в исследовании компании Edelman, Россия оказалась на последнем месте по уровню доверия, благодаря низким показателям «Газпрома»: если в России компании доверяют (67%), в Китае – уже 48%, а завершает список Великобритания с 5% доверия к «Газпрому». На образе компании отразились скандалы с восточно-европейскими партнерами, однако сама компания несколько не перестала быть лидером в этой отрасли и надежным поставщиком газа на внешние рынки.

после совершения этой сделки в 2003 г. (в ходе думской избирательной кампании) весьма недипломатичных заявлений руководства РАО, нанесших по имиджу России (и не только в Грузии) серьезный удар.

3. Необходимо проявлять особую ответственность при управлении подконтрольными российскому бизнесу предприятиями в странах СНГ, в частности (и в особенности) объектами, переданными России в счет погашения задолженности соответствующих стран⁸⁰.

⁸⁰ Так, в Армении ряд приобретенных таким образом предприятий (в частности, завод «Марс») до настоящего времени, по сути, простаивает, что бросает тень на репутацию России.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Резюмируя и дополняя положения монографии, отметим, что для формирования позитивного образа России в странах СНГ представляется необходимым выполнить следующие условия:

Необходимо обеспечить наличие четкой государственной имиджевой стратегии; до настоящего времени деятельность в данной сфере имеет бессистемный характер. Это существенно важнее, чем размеры финансовых затрат на достижение указанной цели, не всегда являющихся решающим фактором успеха. Весьма показателен опыт США, затрачивающих огромные средства на финансирование информационно-пропагандистской деятельности за рубежом и, тем не менее, оказавшихся не в состоянии хотя бы остановить рост антиамериканизма в большинстве регионов мира⁸¹. Уровень финансирования имиджевой политики России уже почти соответствует мировым аналогам⁸², очевидно, однако, что совершенно необходимо снизить запредельный, даже по российским меркам, уровень коррупции в этой сфере (что, впрочем, весьма непросто, хотя бы потому, что обеспечить полную финансовую прозрачность бюджетов, например, соответствующих PR-кампаний в принципе пока невозможно). Важным фактором улучшения государственного менеджмента в этой сфере является создание эффективного механизма

⁸¹ Вайнштейн Г. Рациональное и иррациональное в восприятии России Западом // <http://www.apn.ru/publications/article10945.htm>

⁸² По оценкам Минэкономразвития РФ, каждый доллар маркетинговых расходов на улучшение имиджевых показателей в масс-медиа может принести четыре доллара чистой прибыли. В целом, на улучшение имиджа России за рубежом в 2007 г. из госбюджета было выделено 137 млн. рублей. По независимым оценкам, только на проведение саммита G8 в Санкт-Петербурге, одной из основных целей (если не главной) которого было как раз улучшение образа России за рубежом, было потрачено приблизительно \$250 млн. МЭРТ анализировал опыт других стран. Так, США тратит на улучшение своего имиджа более 1 млрд. долл., Великобритания – 700 млн. фунтов.

координации⁸³ действий различных властных и бизнес структур (прежде всего, госкомпаний), так или иначе влияющих на формирование представлений о России граждан и элит стран постсоветского пространства.

Необходимо стремиться обеспечить лояльность по отношению к России не только представителей властных структур государств ближнего зарубежья, но и лидеров и активистов оппозиционных движений (разумеется, за исключением тех, чья идеология носит ярко выраженный националистический – а, следовательно, антироссийский – характер), а также так или иначе участвующих в политической жизни неправительственных организаций, значимость которых была наглядно продемонстрирована в ходе т.н. «цветных» революций.

В рамках сетевого подхода нужно активнее использовать методы публичной дипломатии⁸⁴, в рамках которой (в отличие от примитивной пропаганды) главной задачей является не навязывание определенной точки зрения целевой аудитории в странах ближнего зарубежья, а выстраивание доверительных отношений с партнерами, основанное на их убеждении в том, что сотрудничество отвечает их интересам.

Тезису западных (и прозападных) идеологов о близости характера политических режимов государств как ключевого фактора поддержания дружественных отношений между ними и, тем более, как важнейшего условия интеграционных процессов⁸⁵ необходимо противопоставлять

⁸³ Так, по данным МЭРТ, в Ирландии работа по улучшению образа и инвестиционной привлекательности страны под эгидой общего координирующего центра (Агентства по индустриальному развитию) за 12 лет деятельности способствовала увеличению объема иностранных инвестиций с \$1 млрд. до \$25 млрд. На 2007 г. в 14 странах ЕС такие агентства работают при участии государства, а 8 из них содержатся исключительно на государственные деньги.

⁸⁴ См. об этом: Кононенко В.А. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. 2006. № 2.

⁸⁵ При этом весьма характерно, что в 1990-х г.г. зачастую говорилось о невозможности реальных интеграционных процессов на постсоветском пространстве в силу того, что Россия по темпам демократизации существенно опередила большинство бывших советских республик; в последние же годы, напротив, именно

аргументацию, провозглашающую общность экономических интересов, общую историю, культурную и ментальную близость как более существенные (сравнительно с узко-политическими) предпосылки интеграции стран постсоветского пространства.

Необходима система мер, направленных на поддержку русского языка в странах ближнего зарубежья, включающая всестороннюю политическую, финансовую (при необходимости, прямое финансирование) и организационную поддержку вещания российских теле и радиоканалов, распространения российских печатных изданий, деятельности местных русскоязычных СМИ в странах ближнего зарубежья, а также поддержку русских театров. Для этого, прежде всего, необходимы совместные действия государственных структур и крупнейших медиа-холдингов России, до настоящего времени, по справедливому замечанию А.Джазояна, «за редкими исключениями не видно здоровой агрессии в продвижении своей продукции за рубежом» с их стороны⁸⁶, и потому сокращение влияния российских СМИ на постсоветском пространстве происходит зачастую без всяких целенаправленных усилий властных структур новых независимых государств. В тех же случаях, когда политика вытеснения российских и русскоязычных СМИ реально имеет место, прекращение такой практики должно стать *приоритетным* предметом межгосударственных отношений, в том числе на высшем уровне.

Не менее важна всесторонняя поддержка образовательных учреждений различного уровня (как средних, так и высших), ведущих преподавание полностью или частично на русском языке. При этом у выпускников этих учебных заведений должна быть возможность на

антидемократический вектор эволюции (вернее – по мнению критиков российской власти – инволюции) российского политического режима при произошедших демократических «прорывах» в ряде новых независимых государств провозглашается главным препятствием для сближения и основным источником опасности для соседей России.

⁸⁶ Джазоян А. Готова ли Россия отказаться от своего влияния в СНГ? // Московские новости. 2007. № 14. с. 34.

льготных условиях (вплоть до 100%-ного бюджетного финансирования) продолжить образование в российских ВУЗах. Соответствующие механизмы должны быть закреплены в российских нормативных актах, включая Федеральный Закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». В то же время целью указанных образовательных программ должно быть не столько привлечение в дальнейшем образованной и стремящейся по возможности переселиться в Россию молодежи на российский рынок труда (хотя изменение структуры иммиграции тоже является немаловажной задачей), сколько создание в государствах ближнего зарубежья слоя образованных и ориентированных на Россию людей, играющих значительную роль в политической, экономической и культурной жизни своих стран.

При этом должно быть обеспечено надежное функционирование устойчивых каналов взаимодействия граждан стран СНГ, получивших образование в России, в ассоциированных с российскими образовательными структурами заведениях, или просто обучавшихся на русском языке, с российскими государственными, бизнес структурами и общественными организациями, в сферу деятельности которых входит деятельность в государствах ближнего зарубежья, а также разнообразными пророссийскими сетевыми структурами, к созданию (или стимулированию создания) которых необходимо приступать незамедлительно. Только в таких условиях будет задействован один из важнейших стимулов для изучения русского языка – карьерный.

Особо необходимо отметить, что поддержка русскоязычных (или, точнее, русскоговорящих) жителей стран СНГ ни в коем случае не должна сводиться лишь к поддержке русской диаспоры в новых независимых государствах. Такой подход может оказаться (и уже оказывается в целом ряде случаев) контрпродуктивным, подразумевая изначальное разделение граждан этих государств на меньшинство «своих» и большинство

«чужих», что неизбежно влечет лишь дальнейшее отчуждение этого большинства (включая интеллектуальную элиту) от России.

Фактором сохранения культурного единства постсоветского пространства является обеспечение функционирования единого информационного поля. Это предполагает не просто последовательные и скоординированные действия российских властей и негосударственных структур в целях обеспечения доступа граждан стран СНГ к российским печатным и электронным СМИ, но и достаточно пристальное внимание этих СМИ к странам ближнего зарубежья, чего в последние годы не наблюдается – более или менее обстоятельно российскими средствами массовой информации освещаются, как правило, лишь выборы (и то далеко не всегда) и какие-либо экстраординарные события на постсоветском пространстве. Подобная ситуация ведет к снижению интереса к российским СМИ со стороны граждан стран ближнего зарубежья, не находящих в них проявлений подлинного интереса к жизни их стран и взвешенных оценок происходящих внутренних событий. Кроме того, результатом подобной информационной политики ведущих российских СМИ является отсутствие адекватного представления о событиях на постсоветском пространстве и их значимости для России у большинства собственно российских граждан; в таких условиях рассчитывать на повышение активности на данном направлении структур российского гражданского общества (даже если мы предполагаем прогрессивное развитие таковых в среднесрочной перспективе) не приходится. Наконец, в некоторой степени это имеет своим следствием и отсутствие должного внимания к проблематике постсоветского пространства со стороны политического руководства и высшей бюрократии России.

Условием проведения последовательной и в то же время гибкой имиджевой политики является постоянный мониторинг восприятия и

отображения России в СМИ и выступлениях представителей официальных структур, а также отслеживание мнения представителей бизнеса новых независимых государств.

Важным фактором улучшения образа России является и соответствие нравственного имиджа представителей политической элиты и имиджа страны, которую они представляют. И, наконец, усилия имиджмейкеров, направленные на формирование позитивного образа страны, могут рассматриваться лишь в качестве дополнения к исправлению реального положения дел, а не как альтернатива ему. Очевидно, что эффективной деятельностью по формированию позитивного образа России окажется лишь в том случае, если формируемый образ будет в целом соответствовать реальным тенденциям общественного развития страны.

Специальные рекомендации для ведомств и организаций

Правительство Российской Федерации и Законодательное Собрание РФ (Государственная Дума и Совет Федерации)

Необходимо обеспечить законодательную, финансовую и управленческую поддержку деятельности, способствующей формированию позитивного образа России в странах постсоветского региона, для следующих групп, организаций и институтов: общественных, академических, образовательных центров; организаций, занимающихся проблематикой, связанной с российской культурой в СНГ; российских и зарубежных научных и образовательных центров русистики; русскоязычных и национальных дружественных России СМИ в странах СНГ; групп экспертного обеспечения экономического, политического и гуманитарного измерения внешней политики России; организаций, занимающихся продвижением экспорта российских образовательных услуг

и развитием международных (приграничных) связей российских регионов со странами СНГ; фондов содействия экспертным, научным и образовательным обменам; ассоциаций выпускников российских и советских вузов; организаций взаимодействия с зарубежными выпускниками российских вузов; русскоязычных сайтов, создаваемых за рубежом; женских, молодежных и детских русскоязычных структур; организаций, работающих по направлению улучшения взаимодействия Московского Патриархата Русской Православной Церкви с другими Православными церквями и организациями, а также организациями и представителями других конфессий в странах СНГ.

Отдельные рекомендации для *Министерства иностранных дел* как важнейшего субъекта формирования образа страны включают усиление кадрового потенциала посольств стран СНГ, традиций в этом регионе у МИДа нет; привлечение новых кадров, не связанных со школой МГИМО, крайне необходимо для усиления работы нашего внешнеполитического ведомства. Рекрутирование на должности атташе и секретарей посольств должно быть конкурсным; традиционные каналы кадрового рекрутирования из выпускников МГИМО, дипломакадемии и спецслужб для стран СНГ являются недостаточными и неадекватными для поставленных внешнеполитических целей. Дипслужба в России до сих пор остается прерогативой узкой касты специалистов, принципы же рекрутирования дипломатов не изменились с советских времен, и не имеют по своей закрытости аналогов ни в одной стране Европы. Комплексное решение проблемы упрочения позиций России и формирования ее имиджа в постсоветских странах невозможно без привлечения на дипломатическую работу новых групп специалистов-экспертов из других сфер. Необходима также и активизация работы сотрудников посольств в стране пребывания, в этом контексте важной частью деятельности по улучшению имиджа могут являться и регулярные не реже одного раза в месяц брифинги

представителей посольств Российской Федерации для прессы и экспертов страны пребывания.

Неправительственные организации и фонды

При работе с диаспорами и сообществами необходимо развивать долговременные проекты, способные быть не одноразовыми, восстановить массовый интерес к российским достижениям со стороны представителей этносов стран СНГ, живущих в России. Приоритет должен отдаваться проектам, способным воспроизводиться и существовать автономно в другом культурном пространстве. Такие проекты должны ясно демонстрировать населению стран СНГ преимущества контактов с Россией. Особый приоритет в госфинансировании и спонсорском финансировании НПО должен отдаваться не придворным аналитическим центрам, а сетевым структурам, имеющим пророссийскую ориентацию, но в то же время располагающим значительными количественными и качественными неформальными контактами среди экспертов и представителей элит стран СНГ. Назрела необходимость в развитии и поддержке тех НПО, которые обладают потенциалом по усилению координации работы экспертных сообществ России и стран СНГ.

Администрация и аппарат Президента РФ

Необходим анализ каналов мобильности в элитных группах стран СНГ, необходимо поощрять новые выгодные кадровые назначения, продвигать и оказывать поддержку бизнесу, связанному с Россией. Желательно свести к минимуму контакты с маргинальными группами, даже если они позиционируют себя как группы, выражающие интересы русскоязычного населения. Необходима интенсификация контактов с представителями конструктивной оппозиции, имеющих свои рычаги влияния на элиты стран СНГ. Администрация Президента должна

оказывать моральную поддержку гражданским инициативам, направленным на улучшение имиджа России, и по возможности более полно задействовать интеллектуальный потенциал независимого экспертного сообщества, как в России, так и в странах СНГ. Администрация Президента должна выработать и механизмы поддержки меценатов, спонсирующих организации и мероприятия, улучшающие имидж России.

Государственные СМИ

Для государственных СМИ необходимо поддержание в течение длительного периода времени следующих устойчивых имиджевых характеристик российской модели: в России – сильная власть; мощный бизнес; богатство общества и среднего класса поддерживается лучшей на пространстве СНГ системой образования, науки и здравоохранения; в повседневной жизни российское общество руководствуется моральными ценностями и уважает семейные традиции; Россия является неотъемлемой частью Европы, хотя и со своими оригинальными цивилизационными особенностями.